

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

**МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ВЫБОРЫ – 2019**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

ФОНД «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ»

Под редакцией Кирилла Рогова

**ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ.
МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ВЫБОРЫ – 2019
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД**

Либеральная миссия — Экспертиза. Вып. 7

Москва **2019**

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

П68

П68 Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы – 2019. Аналитический доклад. Серия «Либеральная миссия — Экспертиза». Вып. 7 / под ред. К. Рогова — Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2019. — 110 с.

ISBN 978-5-903135-69-1

Очередной выпуск серии «Либеральная миссия — Экспертиза» посвящен анализу региональных выборов 2019 года, крупнейшим событием которых стала московская протестная кампания — наиболее массовые уличные выступления оппозиции с 2011–2012 годов. В то время как выборы в регионах на этот раз в основном продемонстрировали уверенный контроль Кремлем электоральной ситуации и региональных элит, а также спад волны протестного голосования, проявившей себя в 2018 году, кампания по выборам в Московскую городскую Думу приобрела черты политического кризиса. Ведущие российские аналитики и политологи анализируют стратегии Кремля и оппозиции в ходе избирательных кампаний и протестов, их социальный фон, фактические результаты и долгосрочные последствия.

УДК 323/324(470+571):342(06)

ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-69-1

© Фонд «Либеральная Миссия», 2019

СЕРИЯ «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ — ЭКСПЕРТИЗА»

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011–2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. ВЫП. 1 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014. — 69 с.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. ВЫП. 2 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016. — 68 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. ВЫП. 3. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016. — 218 с.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛ-РОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018. — 60 с.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 57 с.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 44 с.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019. — 110 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ПОКАЗАЛИ МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ – 2019	5
--	----------

НЕЕДИНАЯ РОССИЯ: АДМИНИСТРАТИВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

<i>АЛЕКСАНДР КЫНЕВ.</i> «СТЕРИЛИЗАЦИЯ», ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ И НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 2019 г.	13
--	----

<i>СЕРГЕЙ ШПИЛЬКИН.</i> НОРМАЛЬНОЕ АНОМАЛЬНОЕ: МАСШТАБЫ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ	29
--	----

<i>КИРИЛЛ РОГОВ.</i> КАЗУС №31: В РОССИИ НЕТ РЕГИОНОВ «ОСОБОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»	43
--	----

<i>НАТАЛЬЯ ГРЯЗНЕВИЧ.</i> НЕВСКАЯ БИТВА: МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ	48
---	----

МОСКОВСКОЕ РАЛЛИ: АКТОРЫ И ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

ЛОГИКА И ХРОНИКА МОСКОВСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

<i>АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА, АЛЕКСЕЙ ЗАХАРОВ, ИРИНА КОЗЛОВА, МАРИЯ ГАВРИЛОВА.</i> ДЕМОГРАФИЯ ПРОТЕСТА: СОСТАВ И ДИНАМИКА УЧАСТИЯ	58
--	----

<i>ДЕНИС ВОЛКОВ.</i> СОЦИОЛОГИЯ ПРОТЕСТА: КОНТЕКСТ, ФАКТОРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ	68
---	----

<i>КИРИЛЛ РОГОВ.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗРЫВ: ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТАМ КАК ДОЛГОСРОЧНЫЙ ВЫЗОВ	76
---	----

<i>КИРИЛЛ РОГОВ.</i> «УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ»: СТРАТЕГИЯ, КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	91
--	----

ДИСКУССИЯ. ПРОТЕСТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ	98
---	-----------

ЧТО ПОКАЗАЛИ МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ – 2019

Единый день голосования на региональных и местных выборах проводится в России с 2003 года, однако свой нынешний формат он обрел после возвращения прямых выборов губернаторов в 2012 году. В результате каждый год в один день в России выбирают 15–20 губернаторов и членов 15–20 законодательных собраний регионов. Эти основные электоральные кампании охватывают 30–40 регионов, в которых проживают от 30 до 50% российских избирателей, и становятся, таким образом, вполне представительным срезом, своего рода стресс-тестом, выявляющим актуальное состояние и динамику политической системы и электоральных настроений.

В 2014–2017 годах политическая система пребывала в анабиозе после аннексии Крыма, вызвавшей всплеск лояльности населения. Но в 2018 году административная «вертикаль» неожиданно потерпела поражение в 7 региональных кампаниях из 39. В четырех регионах административные кандидаты не сумели избраться в губернаторы в первых турах, что вызывало приток протестного электората и их поражение во вторых. Еще в трех регионах список «правящей партии» «Единой России» оказался на втором месте на пропорциональных выборах в законодательные собрания (см. об этом наш прошлогодний аналитический брифинг «Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования и их ограничения»¹).

Важно сразу оговориться, что в условиях авторитарного режима выборы отражают не реальные предпочтения избирателей (их они, напротив, призваны исказить), а способность режима манипулировать процедурами, используя свои административные ресурсы, с одной стороны, и косвенно — настроения населения и элит, с другой. Они демонстрируют уровень консолидированного контроля, его эффективность и надежность. В 2018 году исчерпание эффекта «крымского синдрома», неблагоприятный фон социально-экономической динамики и объявление о пенсионной реформе привели к тому, что технологии электорального доминирования дали сбой в каждой шестой электоральной кампании. Это не создало прямых и значимых угроз для режима, но поставило вопрос о его способности сохранять устойчивость в условиях экономической

1 «Стресс-тест на пол-России: технологии электорального доминирования и их ограничения». Анализ региональных выборов 2018 г. / Москва : Либеральная миссия, 2018. http://www.liberal.ru/upload/files/Libmissiya_vibory_2018.pdf

стагнации и конфронтации с Западом в среднесрочной перспективе. А потому главной интригой нынешнего года оказывался вопрос, является ли прошлогодний сбой началом системного тренда «дряхлаения» режима или всего лишь тактической неудачей?

АДМИНИСТРАТИВНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

Ответ на этот вопрос оказался противоречивым. С одной стороны, в этом году административная вертикаль сумела не допустить ни одного второго тура на губернаторских выборах, что, по всей видимости, рассматривалось Кремлем как ключевая и приоритетная задача. То, что она была выполнена, свидетельствует как об относительной слабости негативного шлейфа пенсионной реформы, так и о высокой управляемости административной вертикали, хотя и не в автоматическом, а, скорее, в ручном режиме. И это первый итог кампании.

Причинами этого успеха можно, в целом, считать четыре фактора. Во-первых, максимальную «стерилизацию» избирательных бюллетеней. Кроме шести действующих глав регионов не был зарегистрирован ни один самовыдвиженец, а соперники инкубентов — кандидаты от системных партий, выдвигаемые местными отделениями, не согласовывались их центральными органами, если имели хоть малейшие электоральные перспективы (подробнее см. в материале **«Стерилизация, электоральные репрессии и новая оппозиция: региональные кампании 2019 года»**). Во-вторых, было произведено превентивное обновление губернаторского корпуса: руководители 12 из 16 регионов были заменены до выборов; задача состояла в том, чтобы «освободить» инкубентов от анти-рейтинга. Третий фактор — это мобилизация электоральных машин и мощное давление на региональные элиты. Следует помнить, что весной 2019 года был арестован и помещен под домашний арест 71-летний тяжеловес дальневосточной политики, бывший губернатор Хабаровского края, бывший представитель президента в Дальневосточном федеральном округе и министр по развитию Дальнего Востока Виктор Ишаев, которого Кремль негласно обвиняет в своем поражении на выборах губернатора Хабаровского края в прошлом году.

Ну, и, наконец, в-четвертых, достаточно уверенные победы ставленников Кремля, по всей видимости, указывают на спад той волны раздражения избирателей, которая довольно ясно проявила себя на прошлых выборах. В итоге, средний официальный результат губернаторских выборов этого года — 72% — практически вернулся к среднему уровню 2015–2017 годов после провала в прошлом году до 64%.

Спад прошлогодней волны протестного голосования, безусловно, проявил себя и во втором ключевом результате региональной кампании нынешнего го-

да — относительно неплохом результате «Единой России» на выборах в региональные законодательные собрания.

Средний результат ЕР на пропорциональных выборах этого года составил 52%. Это на 16 процентных пунктов меньше, чем результат в тех же регионах на посткрымских выборах 2014 года, на 11 п.п. хуже, чем результат на думских выборах 2016 года, но существенно лучше, чем средний результат ЕР на прошлогодних региональных выборах — 37,5%. По всей видимости, в Кремле готовились к худшему сценарию и не исключали провала ЕР на уровне прошлого года, а потому полученные цифры считают успехом.¹ (Следует отметить, что набор регионов этого года был для Кремля более комфортным: на думских выборах 2016 года медианный результат ЕР в этих 12 регионах составил 59%, при том, что в целом по России — 47%). Приостановилось и наблюдавшееся в течение ряда лет падение результата ЕР в мажоритарных округах: с учетом Москвы «партия власти» получила 73% всех мажоритарных мандатов (71% в прошлом году, 85% в 2017 г. и по 93% в 2015–2016 гг.).

При этом, однако, в ряде регионов административным кандидатам для избрания приходилось дистанцироваться от бренда ЕР: так поступила треть избиравшихся глав регионов и все административные кандидаты на выборах московской Думы. В Республиках Марий Эл и (скорее всего) Алтай партия проиграла первое место коммунистам: ее неуверенная официальная победа обеспечена фальсификациями («аномальными голосами»), как следует из статистических расчетов. На выборах же в региональных столицах и относительно крупных городах медианный результат списков ЕР падал до 42%. В Хабаровском крае, где в прошлом году губернаторство выиграл «оппозиционный» кандидат от ЛДПР Сергей Фургал, ЕР заняла лишь 3 место, набрав жалкие 12%, и проиграла все мажоритарные округа. Это еще раз демонстрирует, что в отсутствие административной поддержки бренд «партии власти» немедленно маргинализируется.

Но официальные итоги выборов в авторитарных странах — это вовсе не то, что на самом деле происходило на избирательных участках. Уровень фальсификаций на российских выборах остается весьма высоким; в 7 из 28 регионов нынешней кампании он таков, что установить ядро участков с правдоподобными результатами голосования невозможно (Башкортостан, Ставропольский край, Брянская область, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан и Тыва).

В целом, результаты, скорректированные статистическими методами, говорят о том, что на губернаторских выборах административные кандидаты в среднем получали около 63% голосов, а «Единая Россия» на выборах в региональные легислатуры — около 35% (подробнее см. в материале **«Нормальное**

1 «Единая Россия» рискует половиной списка» / РБК. – 2 сент. – 2019. <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/03/5d6bcf159a7947992c24d05d>

аномальное: масштабы фальсификаций на региональных выборах»). Используемый для корректировки результатов метод позволяет идентифицировать лишь часть традиционных способов фальсификаций (прежде всего — вброс/приписки в пользу административного кандидата) и не позволяет выявить некоторые другие (например, переброс голосов от кандидата к кандидату). Поэтому «реальный» результат, скорее всего, ниже этих цифр.

Расчеты, согласно которым ЕР получала в среднем около 35% голосов, подтверждаются электоральным экспериментом в Татарстане. Здесь в одном округе, который традиционно демонстрирует аномально высокие явку и результаты административных кандидатов/списков, 42 участка были закрыты независимыми наблюдателями. В результате явка на них составила 40%, а голоса ЕР — 35% от явки, в то время как на участках без наблюдателей, официальные цифры оказались в два с половиной раза выше: явка — 95%, а результат ЕР — 86% (см. материал **«Казус № 31: в России нет регионов "особой электоральной культуры"»**).

Таким образом, скорректированная на «вбросы» усредненная модель региональных выборов этого года выглядит следующим образом: на губернаторских выборах средняя явка составляет 35% избирателей, а усредненный реальный результат победителя — около 22% от списочного состава избирателей. Соответственно, на выборах региональных legislатур явка составляла в среднем 30%, а голоса ЕР — около 11% от числа всех избирателей. Этот расчет показывает, какую долю избирателей должна мобилизовать региональная «электоральная машина», чтобы получить результат, подтверждающий состоятельность авторитарного режима.

В целом результаты выборов в российских регионах следует считать успехом Кремля, демонстрирующим, что протестный всплеск на выборах прошлого года не имеет серьезного продолжения, фронда региональных элит может быть подавлена ограниченными и доступными средствами, а оппозиция не имеет в регионах организационного потенциала. В то же время эта система электорального контроля в условиях затяжной экономической стагнации обладает небольшим запасом прочности. Она требует поддержания достаточного количества и достаточной конкурентности бюджетных рабочих мест (чтобы обеспечить принудительное голосование), отсутствия значительных поводов для раздражения (в противном случае привлеченные на участки контингенты лояльного голосования могут начать голосовать «протестно»), постоянного силового давления на местные элиты и консервации деградировавшей партийной системы. При этом бренд «Единой России» настолько несвеж, что несет в себе значительные риски: при существенном всплеске недовольства он способен превратиться в «красную тряпку» — фокус негативной мобилизации.

ПРОТЕСТЫ VS РЕПРЕССИЙ: СИСТЕМНЫЙ ВЫЗОВ

Третий главный итог кампании — кризис, разразившийся вокруг выборов в Московскую городскую Думу, — в значительной степени девальвировал успешность первого и второго. В Москве оппозиция сумела подорвать легитимность заградительных барьеров «допуска» на выборы, организовать (несмотря на летнее время) самую массовую с 2012 года волну уличных протестов, а затем еще и поставить под сомнение электоральное доминирование «Единой России» в ходе голосования 8 сентября. Переходя от одной стратегии к другой, оппозиции удалось придать кампании каскадный характер, на всех этапах сохраняя за собой инициативу, даже несмотря на то, что ее лидеры значительную часть времени находились под арестом.

На первом этапе (попытка регистрации несистемных кандидатов) оппозиция сумела привлечь широкое внимание к самой проблеме недопуска к выборам и впервые превратить ее в повод протестной уличной кампании. Протесты 2011–2012 годов были сфокусированы на фальсификациях итогов голосования, а попытка А. Навального сделать недопуск предметом массового возмущения в ходе президентской кампании потерпела неудачу.

На втором этапе ответная волна полицейского террора и репрессий против оппозиции, организованная властями, спровоцировала дополнительную мобилизацию протеста, фокус которого сместился на проблему репрессий и сочувствия жертвам государственного насилия. Как отмечают социологи, волна этого насилия произвела на общество даже более сильное впечатление, чем недопуск независимых кандидатов к выборам (подробнее см. в материале **«Социология протеста: контекст, факторы, последствия»**).

Именно эта «правозащитная» фаза протестного ралли обеспечила вовлечение в протестную активность страт и групп, которые ранее культивировали аполитичность как норму мейнстрима: представителей молодежной субкультуры, топовых коммерческих блогеров, профессиональные сообщества и проч. Как показал экспресс-опрос, четверть из 60 тыс. участников акции 10 августа на проспекте Сахарова (самой крупной с 2012 года) впервые вышли на митинг либо в этот день, либо в течение предыдущего месяца. Новые формы протеста — сериальные пикеты, корпоративные письма-заявления, флэшмобы, волонтерство — неожиданно демаргинализовали правозащитные повестки и активности, сделав их отчасти модными (см. подробнее в материале **«Демография протеста: состав и динамика участия»**). В результате впервые за последние годы политический режим столкнулся с ситуацией, когда издержки эскалации репрессий превосходят выигреш от их применения.

Еще в 2017 году жесткий разгон полицией несанкционированных акций 24 марта и 12 июня вызвал вполне лояльную реакцию: 30% сочувствовали протестующим, а 40% оправдывали действия полиции. Теперь эти цифры поменялись местами, а в более молодых возрастах (18–39 лет) в Москве и крупных го-

родах сочувствуют протестующим и осуждают полицию около 50%. Более высокий уровень сочувствия и вовлеченности в проблематику протеста у этих контингентов коррелирует с изменениями в структуре источников информации, произошедшими в последние годы. Роль телевизора и доверие к нему падает во всех возрастах, но у более молодых (до 40 лет) его доля в информационной картине сократилась до 25%, а доля социальных сетей и блогов достигла 35%. У самых старших возрастов телевизор все еще доминирует в информационной картине, а доля социальных сетей маргинальна. Это ведет к значительной дифференциации в восприятии протестов (см. подробнее в материале «**Информационный разрыв: отношение к протестам как долгосрочный вызов**»).

Взрывной рост значимости соцсетей и видеоблогов как источника информации, наблюдаемый в последние три года на фоне увядания телевизора, хорошо объясняет общий рост склонности россиян к протестам: соцсети не только снижают издержки их организации, но и резко увеличивают их место в информационной картине, укрепляя представление об их «нормальности» и ответственности. Этот же фактор объясняет рост общественной мобилизации на почве неприятия государственного насилия. Учитывая же ту исключительную роль, которую играл телевизор в форматировании лояльности населения на протяжении последних двух десятилетий, этот новый тренд грозит превратиться в фундаментальный вызов стабильности режима, сравнимый по своей значимости с фактором долгосрочной экономической стагнации. Этот вызов проявил себя в динамике московской протестной кампании лета 2019 года, что и стало, на самом деле, одним из главных ее итогов.

«УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ» КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ УГРОЗА

В последней декаде августа на фоне деэскалации уличного противостояния в Москве оппозиция перешла к четвертой фазе выборной кампании — продвижению стратегии «умного голосования». Выдвинутая А. Навальным идея «умного голосования» — это тип протестного голосования в условиях мажоритарной системы, целью которого является сложение голосов двух протестных повесток — повестки «экономического протеста», обеспечивающей обычно дополнительные голоса КПРФ или ЛДПР, и повестки «демократического протеста», характерного преимущественно для крупных городов.

По нашим подсчетам, по сравнению с результатами 2014 года общий вклад протестной мобилизации 2019 года в Москве составил 260 тыс. голосов. Однако определить, какая доля этой мобилизации была непосредственно связана с инициативой Навального, не представляется возможным. Можно предположить, что это было около 200 тыс. человек. При оценке этого вклада необходи-

мо иметь в виду как краткость агитационной кампании (две недели), так и в целом низкий интерес москвичей к выборам в Мосгордуму (подробнее см. в материале **«"Умное голосование": стратегия, количественные оценки, перспективы»**).

Так или иначе, как мы видели, административная мобилизация, вполне успешная в отсутствие значительной протестной волны на региональных выборах этого года, подразумевает необходимость привести на избирательные участки примерно 11% лояльных избирателей (в случае выборов в законодательные собрания). В Москве в условиях отсутствия значительных фальсификаций и мажоритарной системы «Единая Россия» получила в 2014 году 8,2% голосов (38% от пришедших на выборы) и выиграла все 39 округов, где выставила своих кандидатов. В этом году список мэрии получил 7,2% голосов в 43 округах, проиграв из них 18 кандидатам «умного голосования», получившим в совокупности 7,5% голосов (так происходит в силу высокой концентрации протестных голосов в ограниченном наборе округов).

Протестная мобилизация против мобилизации административной — это и стало центральным сюжетом региональных выборов нынешнего года. Если бы Навальному удалось мобилизовать еще 50–70 тыс. «демократических» голосов или уровень «экономического протеста» в городе был несколько выше, «Единой России», скорее всего, грозило бы тотальное поражение (как на выборах по мажоритарным округам в Хабаровске). Таким образом, стратегия «умного голосования» обесмысливает тактику недопуска демократических кандидатов на выборы: их участие вновь приведет к размыванию протестных голосов и увеличит шансы административных кандидатов. И хотя в нынешнем году вклад «умного голосования» оказался достаточно ограниченным и не позволил лишить мэрию даже формального большинства в Мосгордуме, его символический эффект произвел сильное впечатление и на население, и на элиты и, несомненно, заставит Кремль корректировать тактику электоральных манипуляций. Эти корректировки будут обсуждаться по трем направлениям: 1) ребрендинг «Единой России», 2) отказ от стратегии увеличения доли мажоритарных округов, 3) попытки создания или реставрации относительно лояльной «либеральной» партии.

Таким образом, в целом режиму, с одной стороны, удалось купировать последствия недовольства, связанного с социально-экономическими факторами, проявившего себя в ряде регионов в прошлом году, но не удалось купировать кризис, связанный с недовольством другого рода — «кризис представительства», источником которого выступают крупные города и в особенности Москва. (В этом отношении заслуживают внимание успехи независимых кандидатов на муниципальных выборах в Петербурге, повторяющие московский сценарий двухлетней давности; см. об этом в материале **«Невская битва: муниципальные выборы в Петербурге»**). Масштабы недовольства как первого, так и второго рода на данном этапе являются недостаточными для того, чтобы

нанести режиму существенные поражения, поставить под угрозу его управленческое единство. В то же время у режима не хватает организационных, политических и материальных ресурсов, чтобы купировать и тот, и другой вызовы и продемонстрировать степень контроля, характерную для авторитарных гегемоний.

Более того, стратегическая угроза кумулятивного эффекта в случае, если два типа недовольства войдут в резонанс, не только сохраняется, но и увеличивается. Как показал опыт этого года, происходящие изменения в структуре источников информации россиян, с одной стороны, увеличивают значимость «протестных повесток» и, в целом, угроз, связанных с электоратом больших городов, а с другой — накладывают ограничения на использование репрессивных методов противодействия им. В то же время второй фундаментальный вызов стабильности режима — долгосрочная экономическая стагнация — не только не будет в ближайшие два года купирован, но, по мнению большинства экспертов, может приобрести дополнительную остроту (консенсусный прогноз темпов экономического роста для России в следующем году только в последние месяцы понизился на 0,5 п.п.).

«Умное голосование», не сработавшее в этом году в Москве в полную силу, наглядно продемонстрировало возможный механизм и разрушительный потенциал кумулятивного эффекта двух протестных повесток. А сам московский кризис с его каскадным сценарием: 1) протесты против недопуска кандидатов оппозиции на выборы, 2) ответные репрессии и общественная мобилизация на почве их неприятия, 3) солидарное массированное протестное голосование, — может выглядеть как репетиция более масштабного кризиса, демонстрирующая возможные механизмы и факторы его развития.

Александр Кынев

СТЕРИЛИЗАЦИЯ, ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ И НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ КАМПАНИИ – 2019

Ответом на протестное голосование 2018 года в нынешней региональной кампании стали «новая департизация» и небывалая «стерилизация» бюллетеней. При этом большинство регионов основных электоральных кампаний в этом году выглядели для власти достаточно благополучными.

На губернаторских выборах «стерилизация» проявлялась в том, что, помимо административных кандидатов, не был зарегистрированы ни один самовыдвиженец, а кандидаты системных партий, выдвигаемые местными отделениями, не согласовывались их центральными органами, если имели хоть малейшие электоральные перспективы. Значительное давление оказывалось на региональные элиты.

Задача основных кандидатов состояла в том, чтобы не иметь антирейтингов; в результате 12 из 16 губернаторов были заменены до выборов. Все это позволило не допустить второго тура ни в одном регионе. При этом 6 из 16 административных кандидатов вынуждены были отказаться от бренда «Единой России».

На выборах в законодательные собрания средние результаты «Единой России» оказались на 16 п.п. ниже, чем в 2014 году, особенно сильно они снизились в Севастополе и Марий Эл. Результат КПРФ, наоборот, вырос с 9,5% до 15,5%, а ЛДПР — с 7% до 15%. На выборах в мажоритарных округах результат «Единой России» остался на уровне прошлого года (73%).

При точечных кампаниях мобилизации протестного электората основные проблемы у власти, как и годом ранее, были с собственным базовым электоратом: технологии принуждения его к голосованию продолжают работать, однако лояльность самого голосования снижается.

Недопуск списков и отдельных кандидатов имел место не только в Москве. Но лишь в Москве это вызвало небывалую политизацию всей кампании. Широкие электоральные репрессии в Москве привели к консолидации оппозиции на локальном уровне. Независимые кандидаты, не допущенные до выборов и подвергшиеся репрессиям в Москве, обрели федеральную известность (Любовь Соболь, Илья Яшин и Юлия Галямина).

Прошедший «единый день» голосования изначально выглядел символическим — истекали полномочия региональных органов власти, избранных в 2014 году. Тогда пропагандистский патриотический подъём, связанный с присоединением Крыма, привел к резкому росту рейтингов В. Путина и «Единой России», парламентская оппозиция утратила политическую самостоятельность, а новые партии почти не были допущены до выборов. В прошлом году, наоборот, после президентских выборов власти пошли на непопулярные меры (повышение пенсионного возраста и налогов), и в результате 2018 год стал для них самым электорально неуспешным с середины 2000-х. Таким образом, 2019 год, с одной стороны, символически сравнивался со сверхуспешным 2014-м, а с другой, должен был показать, насколько устойчивы электоральные проблемы, возникшие в 2018-м.

Всего на сентябрь 2018 года было назначено 5968 различных выборов и референдумов, в том числе выборы депутатов Государственной Думы по 4 вакантным округам, прямые выборы 16 глав регионов (кроме того, в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Крыму их избирали депутаты региональных парламентов), 13 выборов региональных парламентов, выборы мэров 3 региональных центров, а также прямые выборы 21 городского совета региональных столиц.

Важно отметить, что большинство регионов основных электоральных кампаний выглядели для власти изначально благополучными и не сулили проблем. В частности, выборы региональных парламентов проходили в «электорально аномальных» Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Тыве, Крыму и близких к аномальной группе в последние годы Брянской, Волгоградской и Тульской областях. Проблемными выглядели Хабаровский край (где в 2018 году избран губернатор от ЛДПР С. Фургал, не просто сохраняющий высокий рейтинг, но и существенно его укрепивший), Алтай (в 2014 году А. Бердников с трудом избрался губернатором), Марий Эл (здесь происходил демонтаж старой региональной элиты после ареста Л. Маркелова, а одномандатный округ в Госдуму выиграл в 2016 году кандидат КПРФ С. Казанков), Севастополь (конфликт ставленников федерального центра с группой А. Чалого). Конфликтами сопровождались также муниципальные выборы в Иркутске, Улан-Удэ и Челябинске.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ МАНЕВРЫ: ПРОТЕСТНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ И «НОВАЯ ДЕПАРТИЗАЦИЯ»

Основными направлениями электоральной политики властей после неудач 2018 года стали, во-первых, системное ослабление любых партий как потенциальных аккумуляторов символического протеста и, во-вторых, максимальная (во многом беспрецедентная) «стерилизация» избирательных бюллетеней на выборах всех уровней.

Событием, подтолкнувшим федеральный центр к изменению партийной и избирательной систем, стало протестное голосование на думских выборах 2011 года, когда «Единая Россия» получила менее половины голосов (49,3%). Власть провела «работу над ошибками» по двум направлениям: было объявлено о возвращении выборов губернаторов и об упрощении регистрации новых партий, дабы распылить протестные голоса. Однако очень быстро федеральная власть столкнулась с побочными эффектами этих решений: наряду с техническими «фейковыми» партиями стали появляться и реальные новые проекты, в регионах начался уход представителей местных элит в них, а влияние «старых» партий ослабевало. Первоначальным ответом на это стало стремление уменьшить роль партий как таковых. Принятый в ноябре 2013 года «закон Клишаса» снизил с 50% до 25% обязательную долю депутатов, избираемых по пропорциональной системе в региональных парламентах, а для органов местного самоуправления, Москвы и Санкт-Петербурга требование было полностью отменено.

Целью реформы было сохранение формального большинства «Единой России». В российских условиях по мажоритарным округам могут выигрывать кандидаты либо с административной поддержкой, либо с сильным самостоятельным финансовым и организационным ресурсом, которые почти всегда зависимы от власти. В итоге на выборах депутатов региональных парламентов в 2015 году «Единая Россия» выиграла 93% округов, на одновременных выборах горсоветов — 91%, а на думских выборах 2016 года — 90% (причем 19 из оставшихся 22 были уступлены «системной оппозиции»).

В результате системные партии оказались под двойным ударом. С их ослаблением явно перегнули палку, и закон 2014 года вновь обязал большинство новых партий и кандидатов собирать подписи избирателей, а число подписей увеличилось в шесть раз — с 0,5% до 3% от числа избирателей. Одновременно «закон Клишаса» перестали на практике применять на региональных выборах, сохраняя соотношение 50/50 между списками и округами. Смысл создания новых партий обесценивался практической невозможностью участия в выборах.

Эта система декоративно-договорной конкуренции власти и «старых партий» прожила до 2018 года, когда вследствие роста социальной напряженности случилось новое массовое протестное голосование: на выборах законодательных собраний в трех регионах (Хакасия, Иркутская и Ульяновская области) впервые с 2007 года первое место по партийным спискам заняла не «Единая Россия», а КПРФ, а в четырех регионах дело дошло до вторых туров выборов губернаторов. Голосование за оппозицию выросло везде, кроме регионов традиционных массовых фальсификаций. Одновременно выросло число побед представителей оппозиции на выборах в мажоритарных округах и на муниципальных выборах.

Ответом на новую ситуацию стало стремление назначить виновником собственных провалов системную оппозицию. Начались массовые информацион-

ные кампании против губернаторов-оппозиционеров (С. Левченко, В. Коновалов), а также потенциальных спонсоров и союзников системной оппозиции. Вновь начали сокращать долю депутатов по партспискам в сложных для власти регионах (Тульская область, Алтай, Марий Эл, Хабаровский край) и отменять смешанную систему на муниципальных выборах. Поползли слухи о возможном снижении до 25% доли депутатов по партспискам на федеральных думских выборах. Пропорциональную систему сохраняли только полностью административно контролируемые на выборах регионы Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия).

Таким образом, можно говорить о новой департизации электорального поля. Политические возможности партий снижаются, в том числе — и возможности «Единой России». Результатом такой политики станет растущая политическая энтропия в региональных и местных органах власти, снижение зависимости депутатов от партий при возрастающей зависимости от избирателей и/или местных элитных групп.

Таблица 1. Число одномандатных и многомандатных округов на выборах в законодательные собрания 2019 года.

	Мажоритарные округа	Пропорциональная система
Республика Алтай	30	11
Кабардино-Балкарская Республика	0	70
Карачаево-Черкесская Республика	0	50
Республика Марий Эл	39	13
Республика Татарстан	50	50
Республика Тыва	16	16
Хабаровский край	24	12
Брянская область	30	30
Волгоградская область	19	19
Тульская область	24	12
Республика Крым	25	50
Севастополь	8	16
Москва	45	0
В среднем доля мест по партийным спискам		50%

Одновременно кандидаты самой партии власти вынуждены от нее дистанцироваться. В 6 из 16 регионов, где избирались губернаторы в 2019 году, действующие главы шли самовыдвиженцами; не было кандидатов «Единой России» на выборах в Мосгордуму, шел как независимый кандидат И. Шутенков в мэры Улан-Удэ, многие кандидаты в Хабаровске и Иркутске.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ «СТЕРИЛИЗАЦИЯ»: КАК «ВЫБИРАЛИ» ГУБЕРНАТОРОВ

Вторым главным направлением электоральной политики власти в 2019 году стала максимальная «стерилизация» избирательных бюллетеней на выборах всех уровней.

На губернаторских выборах представители системной оппозиции, как правило, шли навстречу власти и не выдвигали сильных кандидатов или вообще отказывались от участия в выборах. Но даже «слабых» во многих случаях боялись зарегистрировать:

- в **Забайкальском крае**, одном из наиболее электорально успешных регионов для ЛДПР, эта партия изначально не стала выдвигать кандидатов; как и Забайкальское отделение «Справедливой России», поддержавшее врио главы региона Александра Осипова; КПРФ вместо Николая Мерзликина (лидер фракции КПРФ в Заксобрании, бывший первый секретарь обкома КПСС), занявшего второе место на губернаторских выборах 2016 года, выдвинула менее известного Юрия Гайдука;
- в **Астраханской области** федеральное руководство «Справедливой России» сначала затягивало согласование решения регионального отделения партии о выдвижении депутата Госдумы О. Шеина, а затем отказало ему; потеряв почти месяц, О. Шеин подал документы как самовыдвиженец и не преодолел муниципальный фильтр;
- в **Челябинской области** депутат Госдумы от СР, многократно проводивший успешные кампании в регионе В. Гартунг заявил, что не будет выдвигаться в губернаторы и не исключил, что поддержит врио главы региона Алексея Текслера; А. Текслер включил В. Гартунга в список своих кандидатов в Совет Федерации;
- в **Оренбургской области** депутат Госдумы от ЛДПР Сергей Катасонов, который в 2014 году был единственным кандидатом в губернаторы от оппозиции и был снят с выборов по решению собственной партии, на этот раз участвовать в выборах отказался; на региональной конференции ЛДПР было объявлено, что ни один из членов партии, у которых был электоральный потенциал, не будет участвовать в губернаторских выборах;
- в **Вологодской области** о своих амбициях выдвинуться в губернаторы заявила Ирина Ясакова, депутат от СР в законодательном собрании области, и Центральный совет партии ей объявил выговор; Виктор Леухин,

у которого узнаваемость в регионе около 60%, также намеревался баллотироваться, но Центральный совет СР отменил свое решение о его выдвижении и предложил региональному отделению выдвинуть экс-депутата Заксобрания Маргариту Савоськину;

- в **Курганской области** лидер СР, депутат облдумы Борис Шалютин (которого считали наиболее перспективным оппозиционным кандидатом) заявил, что выдвигаться не будет, т.к. муниципальный фильтр не пройдет, и вскоре был назначен Уполномоченным по правам человека в области;
- в **Курской области** КПРФ и ЛДПР имели возможность выдвинуть «ресурсных» кандидатов. От КПРФ — бывшего крупного чиновника московской мэрии и бывшего руководителя курского землячества в Москве Геннадия Лифинцева. Однако вскоре было объявлено, что партия не располагает возможностью преодолеть «муниципальный фильтр», а потому на выборы пойдет либо первый секретарь обкома Н. Иванов, либо второй секретарь А. Анпилов. В конце концов оказалось, что В. Фирсов — Уполномоченный по правам человека в области — единственный, кто подал документы для выдвижения. В 2014 году он уже был «техническим кандидатом» от КПРФ на губернаторских выборах, на которых переизбрали А. Михайлова. У ЛДПР также имелся ресурсный игрок — депутат Госдумы С. Иванов. Он долгое время работал главой курского отделения партии, а весной 2019 года сделал несколько критических заявлений, касающихся области. Но 16 июня партконференция выдвинула кандидатом от ЛДПР руководителя фракции в Курской областной Думе Владимира Федорова. Как и лидеры коммунистов, руководство партии объяснило изменение позиции неформальным предупреждением от региональных властей, что С. Иванов не пройдет муниципальный фильтр.

Из 19 губернаторских выборов 16 были «плановыми» и 3 — досрочными (из-за отставок прежних губернаторов). Однако в 16 «плановых» регионах федеральный центр в конце 2018 — начале 2019 года досрочно сменил глав в 12 регионах (в Астраханской области — аж дважды за полгода). Сохранили свои должности на начало избирательной кампании лишь четыре прежних главы: Крыма (С.В. Аксенов), Ставропольского края (В.В. Владимиров), Волгоградской области (А.И. Бочаров) и Вологодской области (О.А. Кувшинников). Таким образом, федеральный центр заменил 15 постоянных руководителей на временных, то есть еще до выборов обновление составляло почти 80%. Это новый рекорд: в 2018 году предвыборное обновление охватывало 73% регионов, в 2017 году — 70%, в 2016 году — 55%, в 2015 году — 33%. Таким образом, на выборы шли временные губернаторы (врио), не имевшие анти-рейтингов и часто вообще неизвестные в регионе.

Всего в 16 регионах выдвинулось 163 кандидата (в т.ч. 48 самовыдвиженцев), были зарегистрированы 77, то есть отсеб составил 53% (два кандидата позже выбыли). Рост уровня отсева связан с самовыдвижением: среди само-

выдвиженцев зарегистрированы были 6 врио глав регионов, а остальные 42 не смогли пройти процедуру регистрации. Были зарегистрированы также 71 из 115 партийных выдвиженцев, то есть отсеб составил 38%. При этом количество отказов партийным кандидатам, обычно наиболее сильным оппонентам действующим главам, оказалось беспрецедентно высоким — 6 случаев. Отказы получили сразу три кандидата КПРФ — Н.В. Манджиев в Калмыкии, Ю.Н. Гайдук в Забайкальском крае и А.Н. Морозов в Вологодской области. ЛДПР получила два отказа в регистрации — А.Н. Шерин в Липецкой области и О.А. Капитанов в Санкт-Петербурге. В Забайкальском крае вообще не был зарегистрирован ни один кандидат от парламентских партий. В ходе кампании отказался от участия в выборах кандидат «Справедливой России» в Сахалинской области А.С. Анистратов, а в Республике Алтай кандидат от спарросов Л.Н. Ефимов получил отказ. Позже в Санкт-Петербурге снял кандидатуру выдвиженец КПРФ В.В. Бортко.

Большинство зарегистрированных альтернативных кандидатов в губернаторы вели неактивные избирательные кампании. В наиболее сложных регионах (Республика Алтай, Сахалинская область) неоднократно появлялись эмиссары федерального центра, которые оказывали давление на представителей местных элит. Представители локальных элит, воспринимавшиеся как угроза, подвергались давлению и репрессиям (самый яркий пример — арест бывшего губернатора Хабаровского края и экс-полпреда Президента в ДвФО В.И. Ишаева в марте 2019 года).

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕПРЕССИИ И ОТВЕТНАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ

На выборах региональных парламентов в 12 регионах, где выборы проходят по смешанной или пропорциональной системе, было выдвинуто 111 списков (9,3 списка на регион), зарегистрированы 79 списков (6,6 на регион), один список («Родина» в Брянской области) выбыл на основании судебного решения. Таким образом, отсеб составил 30%.

Наибольший резонанс получил почти тотальный недопуск оппозиционных кандидатов на выборах в Мосгордуму. Однако аналогичные ситуации — отсеб списков и кандидатов, имевших серьезные шансы на успех — имели место и в других регионах. Это, в первую очередь, списки партий «Зеленые» и «Родина» в Севастополе, которые возглавляли видные сторонники А. Чалого, список Партии Дела там же, списки Партии Роста и Партии Возрождения России в Республике Алтай во главе с авторитетными местными политиками В. Кыдатовым и А. Манзыровым. С выборов в Брянскую облдуму был снят список партии «Родина» во главе с действующим депутатом Брянской областной Думы, председателем регионального отделения «Опоры России» В. Гринкевичем. Были от-

странены от выборов перспективные независимые кандидаты в Иркутске и Хабаровском крае, целый ряд оппозиционных кандидатов на муниципальных выборах в Санкт-Петербурге. Только после жалоб были зарегистрированы списки ЛДПР в Крыму и КПРФ в Карачаево-Черкессии.

Регистрация кандидатов в Мосгордуму и протесты против отказа в регистрации независимым кандидатам сопровождались беспрецедентным для всей новейшей российской истории (и аномальным для современного мира) уровнем электоральных репрессий — впервые «пачками» арестовывались кандидаты в Мосгордуму, работники их избирательных штабов, рядовые активисты и даже представители НКО, занимающиеся мониторингом выборов (Р. Удот и В. Егоров из движения «Голос»). На муниципальных выборах в Санкт-Петербурге использовались фактически силовые сценарии недопуска кандидатов в избирательные комиссии для сдачи документов.

Именно электоральные репрессии в Москве и протесты против недопуска независимых кандидатов на выборах в Мосгордуму, продолжавшиеся в течение июля и августа стали главным агитационным событием всей выборной кампании (подробнее см. в материале). Массовые протестные акции в Москве информационно почти полностью заслонили кампании в других регионах и отчасти влияли на их содержание, политизируя поведение участников и избирателей. В результате общероссийский тренд на политизацию избирательных кампаний, сформированный в 2018 году акциями протеста против повышения пенсионного возраста и иных социальных реформ, получил продолжение. Причем источником политизации часто становились не кампании зарегистрированных кандидатов и партийных списков, а кампании тех, кого в бюллетене не было — получивших отказы в регистрации (Москва) или даже просто освещавших выборы СМИ (Забайкальский край). По всей видимости, политизация региональных избирательных кампаний станет долгосрочным трендом и существенно отразится на выборах последующих лет.

РЕЗУЛЬТАТЫ: ПАРТИЯ ВЛАСТИ СДАЕТ ПОЗИЦИИ, НО ДЕРЖИТСЯ НА ПЛАВУ

В целом официальные результаты «Единой России» по партийным спискам по сравнению с выборами 2014 года снизились во всех регионах (кроме Кабардино-Балкарии) в среднем на 16%. Снижение более чем на 10 процентных пунктов фиксируется в Республике Алтай, Крыму, Татарстане и Тульской области. В Республике Марий Эл результат снизился на 28 п.п., в Севастополе — на 38 п.п. Совершенно уникальная ситуация в Хабаровском крае, где год назад губернатором был избран представитель ЛДПР С. Фургал. Здесь ЛДПР победила с 56,1%, на втором месте КПРФ с 17,2% и только на третьем «Единая Россия» с 12,5%. Кроме того, кандидаты от ЛДПР выиграли почти во всех одномандатных

округах, а кандидаты от ЕР — ни в одном. При этом именно по инициативе ЕР соотношение списочной и мажоритарной частей региональной Думы было весной 2019 года изменено в пользу мажоритарной.

Таблица 2. Сравнение итогов голосования за «Единую Россию» на предыдущих региональных выборах, федеральных выборах в Думу 2016 года и выборах 2019 года

	Нынешние региональные выборы 08.09.2019, %	В сравнении с выборами в Госдуму 18.09.2016 (изменение п.п.)	В сравнении с региональными выборами 14.09.2014 (изменение п.п.)
Республика Алтай	34,2	-14,6	-10,5
Кабардино-Балкарская Республика	65,9	-11,8	+0,6
Карачаево-Черкесская Республика	65,0	-16,7	-8,2
Республика Марий Эл	37,5	-9,2	-27,9
Республика Татарстан	72,4	-12,9	-11,8
Республика Тыва	80,1	-2,5	-3,9
Хабаровский край	12,5	-24,8	-44,6
Брянская область	63,7	-0,2	-8,2
Волгоградская область	48,2	-2,5	-12,0
Тульская область	50,3	-2,7	-15,7
Республика Крым	54,7	-18,1	-15,5
Севастополь	38,5	-15,3	-38,2
Среднее	51,9	-10,9	-16,3

Таблица 3. Результаты списков «Единой России» в региональных центрах и крупных городах, %

Региональные центры	Результат ЕР по спискам, %	Крупные города	Результат ЕР по спискам, %
Магас	74,5	Керчь	41,5
Элиста	47,2	Ялта	42,6
Симферополь	54,6	Воскресенск	31,7
Владикавказ	44,1	Королев	70,6
Брянск	68,9	Мытищи	40,8
Курган	33	Орехово-Зуевский	51,6
Пенза	36,9	Пушкинский	35,1
Тула	37,6	Раменский	32,1
		Сергиев Посад	61,2
		Щелково	31,3
Медиана	45,7		41,2
Среднее	49,6		43,3

КПРФ почти везде (за исключением аномальных случаев Тывы и Кабардино-Балкарии) продолжает демонстрировать позитивную динамику, получив по сравнению с другими партиями наибольший прирост голосов. Обращает внимание, что обострение конфликтов власти с парламентской оппозицией (к примеру, явно испортились такие отношения в Тульской области и Марий Эл) все чаще ведет к ситуативным союзам представителей системной и внесистемной оппозиции на низовом уровне (несмотря на явный коллаборационизм высшего партийного руководства). Отмечены не просто случаи участия видных представителей КПРФ, включая действующих депутатов, в протестных акциях независимых кандидатов, но даже примеры выдвижения от КПРФ кандидатов с репутацией гражданских активистов (выборы гордумы Читы и гордумы Кургана). Продолжается и тренд 2018 года на рост результатов партий-спойлеров КПРФ («Коммунисты России» и КПСС), что можно также рассматривать как проявление протестного голосования, но уже не только против власти, но и против парламентских партий.

Таблица 4. Сравнение итогов голосования за коммунистические партии на предыдущих региональных выборах, федеральных выборах в Думу 2016 года и выборах 2019 года

	Нынешние региональные, 08.09.2019, %		В сравнении с выборами в Госдуму 18.09.2016 (изменение п.п.)		В сравнении с региональными выборами, 14.09.2014 (изменение п.п.)	
	КПРФ	КПРФ и спойлеры (КР, КПСС)	КПРФ	КПРФ и спойлеры (КР, КПСС)	КПРФ	КПРФ и спойлеры (КР, КПСС)
Республика Алтай	29,5	32,2	+10,6	+10,6	+17,4	+15,6
Кабардино-Балкарская Республика	12,8	12,8	-6,1	-6,2	+1,2	+1,2
Карачаево-Черкесская Республика	12,2	12,2	+4,2	-2,4	+2,5	+2,5
Республика Марий Эл	26,9	31,0	-0,4	-0,4	+13,1	+17,2
Республика Татарстан	10,7	14,4	+6,6	+7,3	+5,1	+6,4
Республика Тыва	3,6	5,9	-0,6	+0,6	+0,2	+1,8
Хабаровский край	17,2	20,7	+0,7	+0,9	+3,1	+4,3
Брянская область	12,3	12,3	-1,0	-2,8	+3,2	-0,8
Волгоградская область	19,5	19,5	+4,6	+8,4	+5,2	+9,0
Тульская область	14,5	20,2	+0,1	+3,4	+2,7	+8,4
Республика Крым	8,2	12,3	+2,6	+5,4	+3,7	+4,8
Севастополь	18,7	22,5	+6,6	+8,5	+15,0	+18,3
Среднее	15,5	18,5	+2,3	+2,8	+6,0	+7,4

Позитивную электоральную динамику в большинстве случаев демонстрирует и ЛДПР (особенно в Хабаровском крае, Марий Эл, Крыму и Севастополе). При этом явно нет привычного противодействия партии в регионах Северного Кавказа, где она прошла в парламенты КЧР и КБР, а также городское собрание Элисты. Впервые в истории ЛДПР преодолела заградительный барьер на выборах Верховного хурала Тывы.

Таблица 5. Сравнение итогов голосования за ЛДПР на предыдущих региональных выборах, федеральных выборах в Думу 2016 года и выборах 2019 года, %

	Нынешние региональные 08.09.2019, %	В сравнении с выборами в Госдуму, 18.09.2016 (изменение п.п.)	В сравнении с региональными выборами, 14.09.2014 (изменение п.п.)
Республика Алтай	12,0	-0,7	+4,5
Кабардино-Балкарская Республика	5,1	+5,0	0,0
Карачаево-Черкесская Республика	5,0	+4,4	-0,1
Республика Марий Эл	15,8	+5,4	+7,5
Республика Татарстан	3,8	+1,6	+1,4
Республика Тыва	7,8	+4,7	+6,3
Хабаровский край	56,1	+31,1	+42,8
Брянская область	12,9	+2,1	+7,7
Волгоградская область	14,9	-1,4	+6,7
Тульская область	10,4	-3,9	+1,7
Республика Крым	16,8	+5,7	+8,4
Севастополь	18,6	+3,2	+10,8
Среднее	14,9	+4,8	+8,1

Наихудшая ситуация среди парламентских партий у «Справедливой России» — во многих регионах она балансирует на уровне голосования за близкие левоцентристские и патриотические партии («Родина», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость — РППСС). СР не смогла преодолеть барьер на выборах в парламенты Крыма, Тывы, Татарстана, Хабаровского края, горсовет Брянска. Наибольшую прибавку партия получила в Крыму, Севастополе, Элисте.

В целом сохраняется тренд 2018 года на снижение результатов административных кандидатов в мажоритарных округах. Это ставит под вопрос эффективность стратегии на увеличение доли мажоритарной части избираемых депутатов. На выборах региональных парламентов в 2016 году доминирование «Единой России» в мажоритарных округах было тотальным — она получила 747 из 798 мест (94%). На региональных выборах 2017 года ЕР получила 101 мандат из 119 (85%), а на выборах 2018 года — 268 из 379 (71%). В нынешней кампании результат ЕР на основных выборах депутатов заксобраний составил 201 место из 310 (75%), но если к этому добавить избрание 25 административных канди-

датов в Мосгордуму (где формально ЕР не выдвигала кандидатов), то доля выигранных округов сократится до 73%.

При этом ситуация по регионам существенно отличается. В республиках Крым и Тыва ЕР завоевала все мандаты в мажоритарной части; в Татарстане — 41 из 50 (но партия выдвинула именно столько кандидатов); в Брянской области — 27 из 30, в Волгоградской — 17 из 19, в Тульской — 21 из 24, в Республике Алтай — 21 мандат из 30, в Республике Марий Эл — 27 из 39, в Севастополе — 6 из 8. Совсем провальная ситуация в Хабаровском крае, где «единороссы» не смогли выиграть ни в одном из одномандатных округов, а 22 из 24 мандатов завоевала ЛДПР.

На выборах представительных органов региональных центров ЕР выиграла 311 округов из 468 — две трети (67%), при том что в сентябре 2018 года было выиграно 154 из 209 округов — три четверти (74%), а в сентябре 2017 — 149 из 168 (почти 90%). Но на этот раз лучше оказались результаты ЕР в горсоветах, избираемых по смешанной системе (97 мандатов из 116 или 84%), хуже — в чисто мажоритарных системах (214 из 352, 61%). Вероятно, это связано с тем, что чем больше число округов, тем меньше их размеры, соответственно, дешевле и проще избирательные кампании, что особенно важно для оппозиции (при полностью мажоритарной системе округа получают меньше по размеру, чем при смешанной системе).

Менее половины мандатов «Единая Россия» получила в Йошкар-Оле, Иркутске, Биробиджане и Анадыре. В Хабаровске, как и на выборах в Законодательную Думу края, доминировала ЛДПР, а «Единая Россия» осталась без мандатов в гордуме. На выборах в Собрание депутатов городского округа «Город Йошкар-Ола», состоящее из 35 депутатов, в 2014 году кандидаты ЕР получили 33 мандата, а в этом году — лишь 16. В Пензе в 2014 году кандидаты ЕР победили в 32 из 35 округов, теперь в 25 округах 9 кандидатов КПРФ, один самовыдвиженец и 15 единороссов. В Иркутске число мандатов ЕР сократилось с 27 до 14 (при общем количестве 35 мандатов).

Самыми «скучными», оказались выборы глав регионов, где, как уже отмечено, были полностью «стерилизованные» бюллетени. Как представляется, именно эта «стерилизация» (снятие даже достаточно слабых кандидатов) в сочетании с жесткими методами обработки элит и некоторым снижением остроты «пенсионной» тематики предопределили такие результаты. В отличие от прошлого года никаких сенсаций не произошло. Все кандидаты от власти одержали победу, хотя в ряде случаев явно не без фальсификаций (особенно в Санкт-Петербурге).

Как и ранее, власть повсеместно реализовывала стратегию по «сушке явки» в расчете на традиционные схемы мобилизации административно зависимого электората и конформистов. На выборах глав регионов в большинстве случаев показатели явки сопоставимые (средняя явка в 2014 году — 39,8%, в 2019 году — 41,4%). Существенно понизилась явка в Санкт-Петербурге (на 9,3 п.п.) и повысилась в Вологодской области (на 10,8 п.п.) и Ставропольском крае (на 19 п.п.).

Таблица 6. Сравнение явки на выборах глав регионов и региональных собраний на нынешних и предыдущих выборах

	Явка на предыдущих выборах	Явка 08.09.2019		Явка 14.09.2014	Явка 08.09.2019
Республика Алтай	54,2	49,9	Республика Алтай	0,542	0,499
Республика Башкортостан	74,9	71,8	Кабардино-Балкарская Республика	0,711	0,672
Республика Калмыкия	61,4	55,2	Карачаево-Черкесская Республика	0,676	0,691
Забайкальский край	37,4	35,1	Республика Крым	0,536	0,333
Ставропольский край	47,9	66,9	Республика Марий Эл	0,417	0,35
Астраханская область	40,6	33,5	Республика Татарстан	0,808	0,701
Волгоградская область	36,6	41,2	Республика Тыва	0,804	0,75
Вологодская область	29,7	40,5	Хабаровский край	0,255	0,348
Курганская область	39,8	42,6	Брянская область	0,503	0,584
Курская область	39	41,6	Волгоградская область	0,366	0,412
Липецкая область	47,6*	47,1	Тульская область	0,406	0,319
Мурманская область	31	35,8	Москва	0,21	0,218
Оренбургская область	44,2	39,6	Севастополь	0,486	0,292
Сахалинская область	37,6	37,4			
Челябинская область	42,5	45,1			
Санкт-Петербург	39,4	30,1			
Средняя	39,8	41,4		50,3	41,2
Медиана	43,8	44,6		51,7	47,5

*Предыдущие выборы прошли 14.09.2014 года во всех регионах, кроме Сахалинской области, где они состоялись годом позже, и Забайкальского края, где они состоялись двумя годами позже.

Противоречивые тенденции наблюдаются в динамике явки на выборах региональных парламентов. Снижение явки произошло в Республике Тыва (–5,4 п.п.), Республике Марий Эл (–6,7 п.п.), Тульской области (–8,7 п.п.) и Республике Татарстан (–10,7 п.п.). В Брянской области и Хабаровском крае, напротив, явка повысилась (на 8,1 и 9,3 п.п. соответственно). Резко (на 19–20 п.п.) снизилась явка по сравнению с первыми в составе России выборами 2014 года в Крыму и Севастополе. На выборах представительных органов и мэров региональных центров заметно выросла явка в Брянске, заметно снизилась во Владикавказе и резко упала в Симферополе и на выборах мэра Новосибирска (20,7% против 32,6% в 2014 году).

Подобные тенденции не дают оснований утверждать, что на выборы стали приходиться какие-либо новые группы. При явных точечных кампаниях мобилизации протестного электората в отдельных округах или территориях основные проблемы у власти, как и в 2018 году, с прежним собственным базовым электоратом. С одной стороны, технологии его мобилизации продолжают работать, однако на практике избиратель, который в результате приходит на выборы, все чаще голосует по-своему.

ИТОГИ: ИЗНОС ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ И РОЖДЕНИЕ «НОВОЙ ОППОЗИЦИИ»

Скандалная московская кампания 2019 года привела к двум основным результатам. Во-первых, репрессии в адрес любых оппозиционных групп впервые за долгое время привели к их тактическому объединению (находящиеся в сложных отношениях сторонники Навального, Дм. Гудкова, «Яблока»). Сами независимые кандидаты, ставшие символом протестов, обрели федеральную известность (особенно Любовь Соболь, Илья Яшин и Юлия Галямина). Большинство из них — молодые люди 20–40 лет — и были известны среди узких групп сторонников. Теперь ситуация радикально изменилась, и протесты 2019 года фактически дали России новую демократическую оппозицию.

Во-вторых, результаты выборов продемонстрировали, что насилие никак не помогло власти, а, наоборот, вызвало у граждан морально-этический протест. Против кандидатов власти штаб А. Навального заранее подготовил концепцию «умного голосования». Результат выборов оказался триумфом Навального — даже не ведшие никакой кампании и малоизвестные кандидаты «умного голосования» получали прибавку не менее чем в 10–15% голосов, а в некоторых округах победили с подавляющим перевесом. Среди проигравших административных кандидатов — депутат (с 2001 года) и вице-спикер Мосгордумы, секретарь городского отделения «Единой России» Андрей Метельский. Последний раз кандидаты действующей власти так массово проигрывали в Москве в далеком 1990 году в эпоху перестройки.

Выборы 2019 года имеют все шансы остаться в истории России символической вехой отсчета новой электоральной эпохи и неизбежно окажут влияние на стратегию власти на федеральных выборах-2021.

Кампания-2019, как и кампания-2018, подтвердила, что привычная политика силового недопуска на выборы реальных кандидатов в условиях снижения доверия к власти ведет к росту протестных настроений, дискредитирует избирательную систему и имеет следствием концентрацию протестных голосов вокруг той оппозиции, которая оказалась в бюллетене, не повышая доверия к самой власти. Вместе с моими коллегами мы предупреждали: когда на недопуск сильных кандидатов накладываются общее недовольство властью и усталость от ее конкретных представителей в регионе, избиратели могут начать голосовать даже за откровенно слабых и не готовых к управлению оппонентов (нечто похожее происходило на первых свободных выборах в СССР в 1989 и 1990 годах, когда во многих округах имело место протестное голосование против представителей номенклатуры). Сейчас мы наблюдаем именно этот процесс: на фоне «стерилизации» избирательных бюллетеней существенную поддержку получают даже малоизвестные кандидаты, которые фактически не вели избирательной кампании. Одновременно такая ситуация повышает риски выражения недовольства граждан в несистемном поле (что мы и наблюдали в Москве и отчасти в Улан-Удэ).

Продолжение тренда на департизацию выборов будет еще больше вести к радикализации системной оппозиции. При этом усиливаются и, видимо, будут усиливаться и дальше, внутренние противоречия в системных партиях между более радикальными и часто более молодыми группами и старой партийной номенклатурой.

Сергей Шпилькин

НОРМАЛЬНОЕ АНОМАЛЬНОЕ: МАСШТАБЫ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2019 ГОДА

По сравнению с предыдущими выборами в тех же регионах количество «аномальных голосов» (уровень фальсификаций) оказалось немного меньшим.

На выборах губернаторов роль фальсификаций не была решающей — после тщательной зачистки списков соперников действующие главы регионов легко выигрывали выборы; однако их реальные результаты во многих регионах даже против слабых соперников выглядят невысокими. В Вологодской и Сахалинской областях очищенного от аномальных голосов результата едва хватает для победы в первом туре.

Масштабные фальсификации имели место на губернаторских выборах в Волгоградской, Вологодской, Липецкой областях; в Башкортостане и Ставропольском крае они таковы, что оценить параметры реального голосования не представляется возможным.

Из 12 регионов, в которых прошли выборы законодательных собраний, масштабы фальсификаций не позволяют надежно оценить реальные результаты в пяти: Брянской области, республиках Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Татарстан и Тыва. Статистические данные указывают также на высокий уровень фальсификаций в Республике Марий Эл, Волгоградской и Тульской областях (от четверти до 40% голосов победителя являются «аномальными»).

В Хабаровском крае «Единая Россия» заняла лишь 3-е место, получив меньше 10% реальных голосов. В оставшихся 6 регионах доля голосов за список ЕР составляет около 35%. В Республике Марий Эл — около 25% голосов, а в Республике Алтай — около 30%.

Применявшийся метод не позволяет выловить ситуации, когда голоса перерасываются от одного кандидата (списка) другому без увеличения явки, а также эффект принудительной явки.

Предметом данного обзора является количественная оценка «аномального голосования» на региональных выборах 2019 года. Под «аномальным голосованием» понимается наличие регулярных статистических выбросов и отклонений в распределении голосов избирателей, наблюдаемое на большинстве российских выборов и предположительно идентифицируемых как фальсификации (вбросы, карусели, «переписывание» результатов). Описание методологии анализа и иллюстрирующие расчеты диаграммы по всем регионам приведены в Приложении. Полученные на основе этого метода данные относительно объема «аномальных» голосов и, соответственно, числа «реальных» голосов, как правило, получают эмпирическое подтверждение при наличии достаточного числа контролируемых участков.

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ВЫБОРЫ

8 сентября 2019 года всеобщие прямые выборы глав регионов прошли в 16 регионах России. Ниже в таблице 1 приведены официальные результаты голосования, оценки уровня фальсификаций (доли «аномальных голосов»), а также реальной явки и реального результата административно поддерживаемого кандидата (А-кандидата) за вычетом фальсификаций. В скобках приведены изменения соответствующего показателя относительно предыдущих губернаторских выборов в том же регионе (в процентных пунктах).

Оценки реальной явки и реального результата кандидата сделаны (1) по гистограммам распределения голосов и (2) по центральному кластеру избирательных участков (см. Приложение Методы и диаграммы). Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и недостатки и может давать сбои в особых ситуациях или при очень высоком уровне фальсификаций. При заметных расхождениях между оценками, полученными двумя этими методами, значение, которое кажется автору более надежным, выделено полужирным шрифтом. Для регионов с очень высоким уровнем фальсификаций обе оценки могут быть недостоверными. Такие значения выделены курсивом и сопровождаются комментарием под таблицей.

Две последние колонки таблицы содержат данные, характеризующие регионы по уровню фальсификаций. В качестве критерия здесь выступает доля «аномальных голосов» в общем количестве голосов за А-кандидата (чтобы это значение не путалось с разницей «официальных» и «реальных» результатов, оно приводится в размерности от 0 до 1):

- группа 1 (фальсификаций мало): доля аномальных голосов в голосах А-кандидата <0,11
- группа 2 (заметные фальсификации): доля от 0,11 до 0,25
- группа 3 (сильные фальсификации): доля 0,25 и более

Таблица 1. Официальные и «реальные» (за исключением «аномальных голосов») результаты губернаторских выборов 2019 года. и оценки уровня фальсификаций по регионам

Регион	Официальная явка, %	Официальный результат А-кандидата, %	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата (0 – 1)	Группа по уровню фальсификаций
			Явка, %	Результат, %	Явка, %	Результат, %		
Астраханская область	33,5 (–8,7)	75,6 (+0,4)	32,9 (–5,8)	75,2 (+2,2)	29,5 (–9,9)	74,8 (+1,1)	0,02 (–0,09)	1 (2)
Волгоградская область	41,2 (+4,4)	76,8 (–11,6)	32,1 (–3,8)	70,2 (–18,0)	31,4 (–0,5)	69,9 (–19,0)	0,29 (+0,26)	3 (1)
Вологодская область	40,5 (+10,8)	60,8 (–2,2)	32,8 (+5,6)	51,6 (–8,0)	33,9 (+12,1)	53,3 (–6,9)	0,31 (+0,18)	3 (2)
Забайкальский край	35,1 (–3,2)	89,6 (+35,2)	32,9 (–2,2)	88,9 (+38,7)	30,3 (–4,3)	89,9 (+42,8)	0,07 (–0,09)	1 (2)
Курганская область	42,6 (+2,0)	80,9 (–3,8)	39,7 (+4,1)	79,5 (–3,2)	38,5 (+5,8)	79,7 (–3,1)	0,08 (–0,06)	1 (2)
Курская область	41,6 (+1,7)	81,1 (+14,3)	35,0 (+4,1)	77,5 (+20,6)	33,3 (+2,3)	79,4 (+21,6)	0,2 (–0,14)	2 (3)
Липецкая область	47,1 (–0,5)	67,3 (–14,5)	37,3 (+16,7)	58,7 (+0,7)	38,3 (+13,9)	57,3 (–1,6)	0,31 (–0,38)	3 (3)
Мурманская область	35,8 (+4,8)	60,1 (–4,6)	35,9 (+6,6)	60,1 (–2,4)	34,7 (+5,8)	59,3 (–2,7)	0 (–0,1)	1 (1)
Оренбургская область	39,6 (–5,7)	65,9 (–14,0)	35,8 (–1,7)	62,4 (–13,6)	34,8 (–0,3)	64,0 (–13,0)	0,14 (–0,08)	2 (2)
Республика Алтай	49,9 (–4,4)	58,8 (+8,2)	49,3 (–9,6)	58,3 (+3,8)	45,7 (–3,1)	57,9 (+4,0)	0,02 (+0,2)	1 (1)
Республика Башкортостан	71,8 (–4,7)	82,0 (+7,6)	50,6 (–3,5)	74,5 (+2,8)	76,8 (–6,1)	87,7 (–1,3)	0,36 (–0,04)	3 (3)
Республика Калмыкия	55,2 (–10,0)	82,6 (+7,2)	30,8 (–7,9)	68,8 (+2,6)	40,7 (–7,7)	69,8 (–0,6)	0,53 (–0,04)	3 (3)
Санкт-Петербург	30,1 (–9,3)	64,4 (–14,9)	27,8 (–3,7)	61,6 (–12,4)	26,1 (+0,9)	61,5 (–13,5)	0,12 (–0,14)	2 (3)
Сахалинская область	37,4 (–0,2)	56,1 (–11,7)	34,7 (–1,1)	52,8 (–13,5)	35,0 (–1,5)	51,7 (–16,4)	0,13 (+0,06)	2 (1)
Ставропольский край	66,9 (+18,7)	79,6 (–4,6)	40,2 (+4,4)	66,1 (–12,6)	73,9 (+28,4)	84,3 (+0,6)	0,50 (+0,19)	3 (3)

Регион	Официальная явка, %	Официальный результат А-кандидата, %	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата (0 – 1)	Группа по уровню фальсификаций
			Явка, %	Результат, %	Явка, %	Результат, %		
Челябинская область	45,1 (+2,7)	69,3 (–17,1)	41,4 (+4,7)	66,6 (–17,7)	41,8 (+6,3)	67,5 (–17,7)	0,12 (–0,04)	2 (2)

Скорректированные оценки явки и результата А-кандидата для Республики Башкортостан, Ставропольского края недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат А-кандидата можно приблизительно оценить следующим образом:

Республика Башкортостан: явка 30–35%, результат А-кандидата 55–60%;

Ставропольский край: явка 20–25%, результат А-кандидата 50–60%.

По сравнению с предыдущими выборами глав тех же регионов уровень фальсификаций несколько снизился — в группу с меньшим уровнем фальсификаций переместились 5 регионов, в группу с более высоким — только 2 (Волгоградская и Вологодская области, вторая — несколько неожиданно: для регионов севера Европейской части России высокий уровень фальсификаций, вообще говоря, не характерен). Особенно значимое снижение произошло в Санкт-Петербурге — там уровень фальсификаций на выборах 2014 года был значительно выше, чем в нынешнем цикле. При этом, несмотря на беспрецедентную зачистку списка кандидатов, реальный результат Александра Беглова оказался примерно на 14% ниже реального же результата Георгия Полтавченко в 2014 году. Однако результат Беглова, судя по статистике, все же оказался заметно выше 50%, достаточных для победы в первом туре. Правда приведенные здесь статистические оценки не учитывают возможного воздействия на явку и результат и.о. губернатора «каруселей», о которых сообщали как наблюдатели в день голосования, так и исследователи, просматривающие видеозаписи. Возможно анализ видеозаписей поможет понять, насколько это явление было массовым и могло ли оно существенно сдвинуть наблюдаемое распределение участков по явке и результату победителя.

Вообще стратегия максимального ослабления списка соперников официальных кандидатов на этот раз принесла плоды: почти все административные кандидаты в губернаторы уверенно выиграли выборы в первом туре даже без учета фальсификаций. Исключение составили выборы губернатора Сахалинской области, где официальный кандидат, похоже, преодолел 50-процентный барьер с минимальным запасом (а в областном центре, видимо, не преодолел),

а также выборы в Вологодской области, где реальный результат губернатора оказался лишь на 2–3 процентных пункта выше 50-процентного барьера. В то же время даже несмотря на зачистку списков соперников административные кандидаты в большинстве регионов показали худший реальный результат, чем в предыдущих циклах. Это показывает, что опасность голосования «за черта лысого», которая привела ко вторым турам на губернаторских выборах в 2018 году, никуда не исчезла и остается реальной почти при любом наборе соперников.

Реальная средняя явка (оцененная любым из двух методов, без взвешивания по численности избирателей в регионах) на выборах глав 14 регионов (без учета Башкортостана и Ставропольского края, по которым достоверные оценки затруднены) составила примерно 35% — на 6 п.п. ниже среднего официального значения по тем же 14 регионам (41%). Самая низкая реальная явка (26–27%) наблюдалась в Санкт-Петербурге, самая высокая (46–49%) — в Республике Алтай. Обращает на себя внимание двузначный прирост реальной явки в Вологодской и Липецкой областях; если в первой он, возможно, вызван мусорными протестами, то во второй причина такого политического оживления неочевидна.

ВЫБОРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ

В отличие от прошлого единого дня голосования, главные сенсации которого были связаны с губернаторскими выборами, в нынешнем году наиболее интересные события произошли на выборах региональных парламентов. Кроме выборов в Московскую городскую Думу, где «список Навального» выиграл или почти выиграл (в зависимости от способа подсчета) по числу голосов у «списка Собянина», 8 сентября состоялись выборы еще в 12 региональных законодательных собраниях. Ниже приведены оценки реальных результатов партийных списков и явки на этих выборах при голосовании по пропорциональной системе (по единому округу). Аналогично предыдущей таблице также приведены изменения показателей в процентных пунктах относительно предыдущего (2014 года) выборного цикла.

Таблица 2. Официальные и «реальные» (за исключением «аномальных голосов») результаты выборов в законодательные собрания регионов по пропорциональной системе в 2019 году и оценки уровня фальсификаций по регионам

Регион	Официальная явка	Официальный результат А-кандидата	Без «аномальных голосов», метод 1 (распределение голосов)		Без «аномальных голосов», метод 2 (положение центрального кластера)		Доля аномальных голосов в голосах А-кандидата	Группа по уровню фальсификаций
			явка	результат	явка	результат		
Брянская область	57,7 (+16,0)	64,9 (-7,0)	39,3 (+6,4)	48,5 (-17,5)	62,8 (+29,4)	70,1 (+5,6)	0,49 (+0,25)	3 (2)
Волгоградская область	41,2 (+4,6)	48,1 (-11,9)	36,5 (+1,7)	41,5 (-16,5)	31,1 (+0,3)	36,5 (-19,8)	0,24 (+0,15)	2 (2)
город Севастополь	29,2 (-19,4)	38,5 (-38,2)	28,7 (-20,7)	37,5 (-39,6)	28,5 (-20,4)	36,2 (-41,8)	0,04 (+0,06)	1 (1)
Кабардино-Балкарская Республика	67,2 (-3,8)	65,9 (+0,6)	67,6 (+0,8)	66,1 (+3,0)	66,6 (-3,4)	66,0 (+3,2)	-0,01 (-0,10)	1 (1)
Карачаево-Черкесская Республика	69,1 (+1,4)	65,0 (-8,2)	61,2 (-2,9)	60,5 (-11,2)	70,5 (+6,1)	64,7 (-8,2)	0,18 (+0,10)	2 (1)
Республика Алтай	49,9 (-4,3)	34,2 (-10,5)	48,0 (-4,7)	31,6 (-11,5)	47,1 (-0,7)	30,1 (-12,3)	0,11 (+0,05)	2 (1)
Республика Крым	33,3 (-20,3)	54,7 (-15,4)	29,9 (-19,8)	49,6 (-18,2)	28,2 (-24,5)	50,9 (-19,0)	0,19 (+0,08)	2 (1)
Республика Марий Эл	35,0 (-6,7)	37,5 (-27,9)	29,5 (+3,9)	25,7 (-17,8)	28,3 (+0,9)	26,3 (-19,9)	0,42 (-0,17)	3 (3)
Республика Татарстан	70,1 (-12,5)	72,4 (+0,2)	40,0 (-19,2)	51,6 (-22,4)	82,0 (-8,2)	78,9 (-15,1)	0,59 (+0,19)	3 (3)
Республика Тыва	75,5 (-4,8)	80,9 (-3,1)	36,1 (-8,3)	59,7 (-11,4)	83,3 (-9,3)	91,1 (-1,0)	0,65 (+0,12)	3 (3)
Тульская область	31,9 (-7,1)	50,3 (-15,7)	25,5 (-12,8)	37,7 (-27,7)	23,8 (-5,8)	34,1 (-34,2)	0,40 (+0,38)	3 (1)
Хабаровский край	34,8 (+9,1)	12,5 (-44,6)	33,8 (+10,1)	9,8 (-43,6)	33,2 (+13,0)	8,7 (-44,6)	0,24 (+0,1)	2 (2)

Скорректированные оценки явки и результата «Единой России» для Брянской области, Республики Татарстан и Республики Тыва недостоверны; алгоритмы ошибаются из-за чрезвычайно высокого уровня фальсификаций. По диаграмме рассеяния реальную явку и результат А-кандидата можно приблизительно оценить следующим образом:

Брянская область: явка 25–30%, результат «Единой России» 35–45%;

Республика Татарстан: явка 25–35%, результат «Единой России» около 35% (по оценке Ассоциации независимых наблюдателей Татарстана, наблюдавшей за выборами в Волжском избирательном округе №31, явка на закрытых участках составила около 34%);

Республика Тыва: явка 40–50%, результат «Единой России» около 40%. (<https://tatobservers.ru/novosti/>)

Результаты выборов в Кабардино-Балкарской Республике кажутся искусственными из-за слишком малого разброса данных по участкам; при этом оценить реальные показатели не представляется возможным.

Результаты выборов в Карачаево-Черкесской Республике выглядят более натурально, однако чрезвычайно высокое значение явки (а также наличие одного-единственного участка с явкой 32% и резко расходящимися с другими результатами партий) не позволяет отнести к ним как к реальным до получения независимых подтверждений того, что опубликованные данные соответствуют действительности.

Показатель уровня фальсификаций для Хабаровского края рассчитан по голосам за «Единую Россию». Признаков фальсификаций в пользу победившей ЛДПР не наблюдается.

Если ограничиться семью регионами, где статистические данные позволяют достаточно уверенно оценить реальные показатели явки и голосования за ЕР, в первую очередь бросается в глаза резкое падение реальных результатов «Единой России». Самым катастрофическим оно оказалось, конечно, в Хабаровском крае, где с прошлого года пост губернатора занимает кандидат от ЛДПР С. Фургал. На нынешних выборах в региональное заксобрание «Единая Россия» заняла в голосовании по пропорциональной системе лишь третье место, а ЛДПР фактически заняла ее позицию, получив практически такую же долю голосов избирателей, какую получила ЕР на прошлых выборах. При этом характер распределения голосов за ЛДПР не показывает действия в ее пользу какого-либо административного ресурса. Таким образом, можно говорить, что в стране появился регион, где у власти находится не «Единая Россия», а ЛДПР.

Почти такого же масштаба потерю (с более высокого начального уровня) ЕР понесла в Севастополе, где ее реальный результат упал до типичного для обычных российских регионов уровня – около 36% (при этом Севастополь сохранил редкую для российских регионов свободу от фальсификаций при подсчете). Резко снизился и реальный результат ЕР в Крыму – но здесь падение было частично компенсировано появившимися фальсификациями. Самый же низкий реальный результат ЕР — 26–29% — обнаруживается в Республике Марий Эл.

Если говорить собственно о фальсификациях при подсчете голосов, то помимо уже перечисленных регионов с недостоверными результатами следует отметить значительные и сложно устроенные фальсификации (не только вбро-

сы, но и переписывание голосов от партии к партии) в Волгоградской области, где реальный результат ЕР может оказаться ближе к 30%, чем к 36%, которые дают применяемые здесь методы оценки, а также массовые фальсификации в Тульской области, которые, однако, лишь частично компенсировали провал результата ЕР на 30 процентных пунктов к прошлому выборному циклу.

ПРИЛОЖЕНИЕ. МЕТОДЫ И ДИАГРАММЫ

1. ВВЕДЕНИЕ

В современной России административное вмешательство в ход выборов в день голосования, приводящее к фальсификациям, как правило, осуществляется в пользу правящей партии или действующего руководителя. В случае выборов депутатов по одномандатным округам возможны редкие исключения, когда поддерживаемый административно кандидат баллотируется от неправящей партии. В случае губернаторских выборов и выборов в законодательные собрания бенефициарами такого вмешательства практически всегда являются соответственно действующий губернатор (и.о. губернатора) и кандидаты от партии «Единая Россия».

Как показывает опыт, наиболее распространены следующие типы фальсификаций:

1. Вброс бюллетеней за административно поддерживаемого кандидата (далее А-кандидат). С точки зрения статистики от вброса неотличимы приписывание А-кандидату несуществующих дополнительных голосов и карусель (многократное голосование за А-кандидата специально подготовленными группами людей). Приводит к росту явки и увеличению процента А-кандидата, а также к снижению процентов остальных кандидатов за счет увеличения знаменателя.

2. Передача голосов от одного кандидата к другому (перекладывание бюллетеней, переписывание и т.п.). Не меняет явку, повышает процент А-кандидата и снижает процент прочих кандидатов.

3. «Рисование» произвольных результатов.

Тип 1 проще и технически «дешевле» других в реализации и потому встречается в регионах без устоявшихся традиций выборных фальсификаций. Тип 2 несколько сложнее в реализации и часто сочетается с добавлением голосов (тип 1). Тип 3 распространен в регионах с устойчивыми фальсификационными традициями.

2. МЕТОДИКА

Анализ данных выборов, содержащих фальсифицированные (искаженные) значения, можно рассматривать как задачу робастной (устойчивой к искажению части данных) статистики. Стандартные выборные показатели — явка и

результаты кандидатов — неустойчивы к искажению отдельных точек данных (искажение явки или результата кандидата на части избирательных участков может привести к сильному искажению общей явки). Однако, например, медианная явка значительно менее чувствительна к фальсификациям. Надо отметить, что выбор подходящих для конкретной задачи робастных показателей субъективен, и правильность его в конечном счете определяется лишь разумностью получаемых результатов и их сравнением с другими источниками данных. В этой работе используются три робастных показателя выборной статистики: оценка явки и результата А-кандидата по центральному кластеру диаграммы рассеяния «явка-результат» и оценка результата А-кандидата по гистограммам распределения голосов по явке.

Для анализа используются две проекции исходно многомерных выборных данных, представленные в виде стандартной диаграммы из двух панелей.

Правая панель: диаграмма рассеяния в координатах «явка на участке — результаты кандидатов». Каждому участку соответствует столько точек, сколько имеется кандидатов; размер точки соответствует количеству голосов за кандидата. Опыт показывает, что при отсутствии фальсификаций в регионе точки каждого кандидата образуют компактный одномодовый кластер. В случае фальсификации типа 1 подвергшийся фальсификации участок вместе с результатами всех кандидатов сдвигается на более высокие явки; при этом от кластера А-кандидата на диаграмме вытягивается «хвост» вправо вверх, а от остальных — вправо и немного вниз за счет уменьшения относительной доли в общем числе голосов. При фальсификации типа 2 без изменения кластер А-кандидата вытягивается вверх, а кластеры остальных кандидатов — вниз. При фальсификации типа 3 на диаграмме рассеяния нередко наблюдаются структуры в виде вертикальных и горизонтальных линий на «предпочтительных» значениях явки и результата А-кандидата соответственно. Для оценки неискаженных значений явки и результата А-кандидата используется усеченное среднее: средние значения явки и результата А-кандидата, взятые по наиболее плотному кластеру избирательных участков, охватывающих 50 зарегистрированных избирателей. Выделение кластера производится взвешенной версией метода минимального детерминанта ковариационной матрицы (см. <https://wis.kuleuven.be/stat/robust/papers/2010/wire-mcd.pdf>). Значения явки и результата А-кандидата, вычисленные по центральному кластеру, приведены в легенде правой панели наряду с официальными значениями явки и результата.

Левая панель: гистограмма распределения голосов за кандидатов по явке (количество голосов, поданных за кандидатов на участках, сгруппированных по интервалам итоговой явки в процентах размером 1 от целого процента до целого; значение явки 100 рассматривается как отдельный интервал). Фактически это проекция (маргинал) двумерного распределения из левой панели на ось явки. При отсутствии фальсификаций распределения голосов всех канди-

датов по явке имеют колоколообразную форму и с хорошей точностью пропорциональны между собой. В случае фальсификации типа 1 распределения голосов за всех кандидатов вытягиваются в область больших явок (за счет возрастания явки на подвергшихся фальсификации участках), и, кроме того, в распределении голосов за А-кандидата появляется дополнительная составляющая, непропорциональная распределению голосов за других кандидатов (за счет добавления голосов за А-кандидата). Из получившегося распределения голосов за А-кандидата можно выделить слагаемое, пропорциональное распределению голосов за других кандидатов и совпадающее с распределением голосов за А-кандидата на низких явках («нормальные голоса»). Тогда, как можно показать при довольно широких начальных предположениях, оставшееся слагаемое («аномальные голоса»), обозначенное на диаграмме штриховкой, при суммировании по явкам дает общее количество голосов, добавленных в результате вбросов/приписок. При комбинировании фальсификаций типа 1, 2 и 3 аномальная составляющая голосов за А-кандидата ведет себя несколько сложнее, но все равно остается хорошим индикатором уровня фальсификаций на конкретных выборах. В свою очередь, подобранный коэффициент пропорциональности (это делается путем максимизации расстояния Васерштейна $W1$ (earthmover's distance) между составляющей гистограммы голосов за А-кандидата, пропорциональной гистограмме голосов за прочих кандидатов, и остаточной «аномальной» частью) позволяет определить результат А-кандидата на не смещенных по явке (и, таким образом, предположительно «честных» участках). Это значение указано в легенде к левой диаграмме наряду с количеством «нормальных» и «аномальных» голосов А-кандидата. Наконец, вычтя «аномальные» голоса из общего количества проголосовавших, можно получить оценку реальной явки в предположении, что все «аномальные» голоса относятся к фальсификации типа 1.

Как любые методы робастной статистики, оба подхода (и метод центрального кластера, и метод гистограмм) имеют ограничения и пределы применимости и основываются на определенных предположениях о механизмах фальсификаций. В первую очередь, они требуют наличия какого-то количества избирательных участков с достоверно подсчитанными данными в качестве базы; если таких участков очень мало или нет (выборы фальсифицированы тотально), алгоритм «захватит» в качестве базы какой-то набор фальсифицированных участков, и результат будет непредсказуем. Такие ситуации можно отсеять только методом экспертной оценки, что и делается в данной работе (см. примечания к таблицам). Метод гистограмм, кроме того, не «видит» фальсификаций с перебросом голосов от кандидата к кандидату без изменения явки (механизм, популярный среди избирательных комиссий Санкт-Петербурга, в том числе на этих выборах) – поэтому оценки двумя методами могут расходиться. Далее, сама по себе статистика по участкам без дополнительных данных не позволяет отличить, например, ситуацию повышения явки путем административ-

ного принуждения от повышения явки по каким-то социально-экономическим или иным локальным причинам – однако, как показывает опыт, само по себе принуждение к явке мало влияет на соотношение голосов избирателей за разных кандидатов и потому не является фальсификацией в том узком смысле, который рассматривается в данной статье.

3. ДАННЫЕ

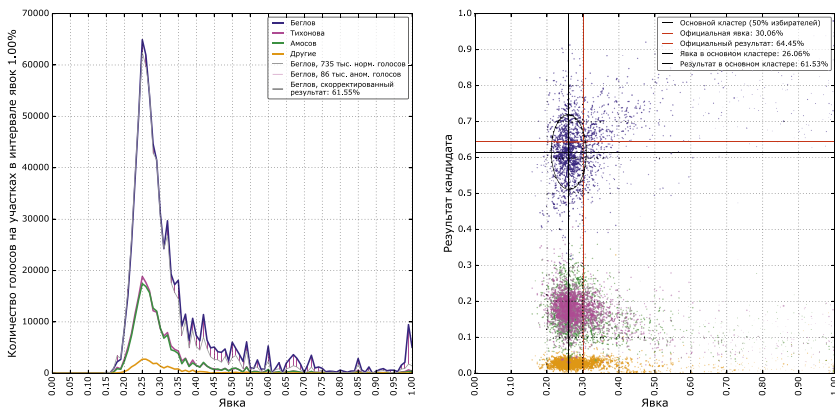
В расчетах использованы официальные данные голосования по участкам, скачанные автором с сайта izbirkom.ru.

4. ИЛЛЮСТРИРУЮЩИЕ ДИАГРАММЫ

Представленные диаграммы иллюстрируют характер распределения голосов и выборных «аномалий» (фальсификаций) в ряде регионов.

Аномалии губернаторских выборов в Санкт-Петербурге

Выборы высшего должностного лица Санкт-Петербурга - Губернатора Санкт-Петербурга

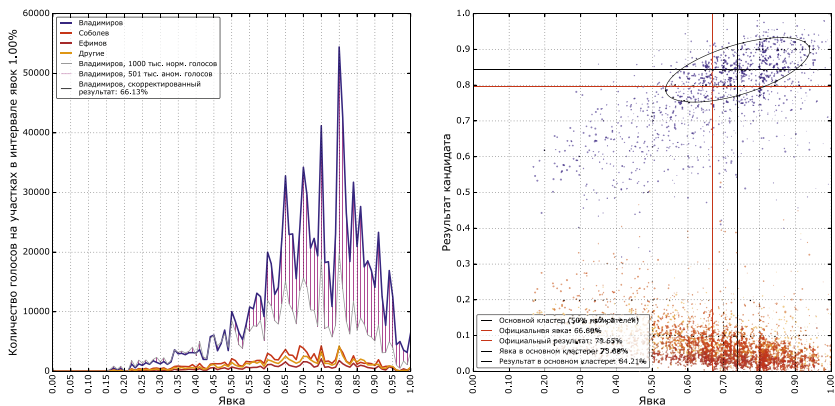

По сравнению с прошлыми выборами губернатора Санкт-Петербурга уровень фальсификаций заметно снизился, но сами фальсификации, судя по различным наблюдениям, стали тоньше и разнообразнее. Уходящий вправо вверх «кометный хвост» на правой диаграмме — это участки с явно завышенной явкой; завышение явки на таких участках подтверждается анализом видеозаписей, который показывает, что реально эти участки должны были бы находиться в центральном кластере с явкой вокруг 26% и результатом Беглова вокруг 60%. Однако сам центральный кластер тоже вызывает подозрения нехарактерно большим разбросом результатов за Беглова; и действительно, по видео-

записям выясняется, что как минимум на отдельных участках из верхней части кластера происходило переписывание голосов Беглову от других кандидатов без изменения общей явки.

Пример «неограниченных» фальсификаций: выборы губернатора Ставропольского края

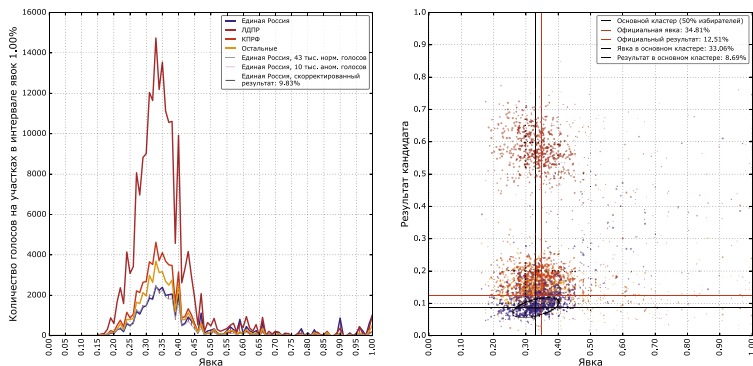
Выборы Губернатора Ставропольского края

Официальный результат избранного губернатора — 79,6% голосов, при явке 66,9%. Распределение голосов по явке содержит целый ряд признаков ничем не ограниченных фальсификаций — от фантастически высокой для выборов такого уровня средней явки до резких всплесков распределения голосов на «красивых» отчетных значениях (65%, 70%, 75%, 80%). Участков с реалистичными результатами (по-видимому, это явка около 20–25% и результат Владимирова около 55%, см. правую панель) настолько мало, что алгоритм выделения центрального кластера участков обманывается и принимает за реальный результат наиболее плотную (хотя и не такую плотную, как бывает при честном подсчете, см. ниже примеры Хабаровского края и Севастополя) группу фальсифицированных результатов.

Хабаровский край: «Единая Россия» в отсутствии административного ресурса

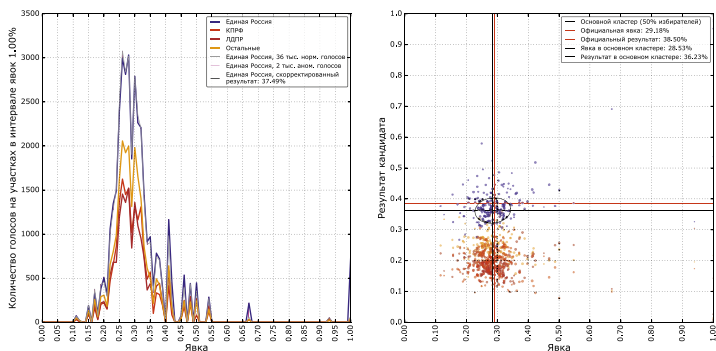
Выборы депутатов Законодательной Думы Хабаровского края седьмого созыва

Не имевшая административной поддержки «Единая Россия» набрала в Хабаровском крае всего 12% голосов, но и этот результат выглядит слегка завышенным. Картина выборов в Думу Хабаровского края близка к идеальной — и уровень явки, и ее распределение, и разброс результатов за партии имеют типичные для регионов с нефальсифицированными результатами величины (такое распределение явки, например, много лет наблюдается в Свердловской области). Лишь небольшое рассеянное «облачко» участков в правой части правой панели показывает завышенные относительно типичного уровня значения явки и результата списка «Единой России».

Разочарованный Севастополь: выборы законодательного собрания

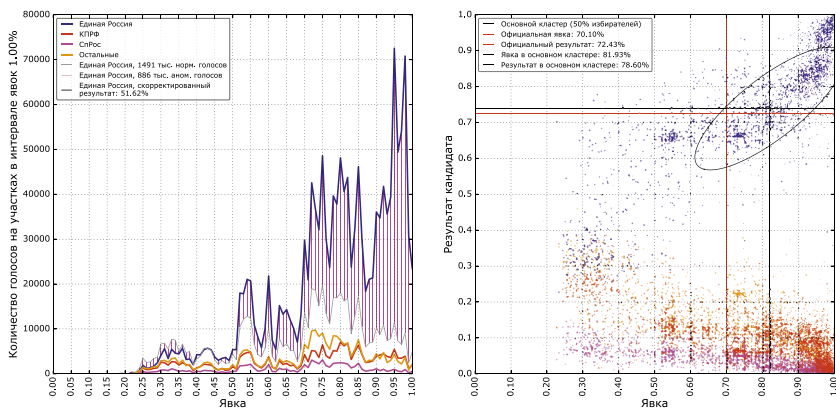
Выборы депутатов Законодательного Собрания города Севастополя второго созыва

По сравнению с выборами 2014 года результат ЕР в Севастополе снизился в два раза, а если учесть параллельное снижение явки, то более, чем в три раза. Однако традиции фальсификации результатов здесь пока не сложились. Это еще один пример нефальсифицированных выборов. Стоит обратить внимание, что разброс явки и результатов лидера в географически небольшом Севастополе и огромном Хабаровском крае различаются несильно.

Традиционные фальсификации: выборы Госсовета Татарстана

Выборы депутатов Государственного Совета Республики Татарстан шестого созыва

Полную противоположность двум предыдущим примерам являет собой распределение голосов на выборах депутатов Госсовета Татарстана, где традиции фальсификаций при подсчете результатов выборов уходят корнями в 1990-е годы. На левой панели видны всплески распределения голосов на «красивых» отчетных явках (60%, 70%, 75%, 80%, 85%, 95%); на правой панели — сложная структура из кластеров участков, сгруппированных на разных значениях явки и результата «Единой России» (по-видимому, происходящих из разных территорий с разными представлениями организаторов выборов о том, как должен выглядеть результат ЕР). Реальные значения явки и результата списка ЕР, по-видимому, составляют примерно 25–30% и 30–40% соответственно.

Кирилл Рогов

КАЗУС №31: В РОССИИ НЕТ РЕГИОНОВ «ОСОБОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»

Присутствие независимых наблюдателей на 42 из 64 избирательных участков 31 Волжского одномандатного округа Татарстана привело к тому, что явка на них оказалась в два с половиной раза ниже, чем в оставшихся без наблюдателей 22 соседних участках. Эксперимент еще раз продемонстрировал, что в России нет территорий «особой электоральной культуры», ссылками на которую объясняют аномально высокие показатели явки и голосования за административных кандидатов в ряде регионов.

Кроме того, эксперимент в 31 округе Татарстана показал результат «Единой России», очень близкий к расчетному диапазону, полученному на основе статистического анализа: нормальный административно-электоральный результат «Единой России» на выборах находится в районе отметки 35%.

Соперничество экоактивистки Веры Керпель и провластного кандидата Рената Мистахова на выборах в Госсовет Республики Татарстан в 31-м Волжском одномандатном округе вылилось в полевой электоральный эксперимент. Команда наблюдателей Веры Керпель, в которую входили представители движения «Голос», штабов Навального и самой Керпель, а также партии «Яблоко» и Ассоциации наблюдателей Татарстана, сумела закрыть 42 из 64-х избирательных участков округа. Это, в свою очередь, позволило сравнить результаты контролируемых и не контролируемых наблюдателями участков¹.

Эксперимент дал вполне ожидаемый и одновременно ошеломительный результат. Явка и результат «Единой России» на выборах в Госсовет Татарстана в первой и второй группе участков отличается почти в два с половиной раза. На контролируемых участках явка составила 40%, а на не контролируемых —

1 См. об эксперименте: Дмитрий Первухин. Как фальсифицировали выборы в Татарстане: что показывает статистический анализ // Ассоциация Голос. Мнения. 18.09.2019. <http://www.golosinfo.org/articles/143773> ; Виталий Аверин. Наблюдатели и реальная явка в Татарстане // Ассоциация Голос. Мнения. 27.09.2019. <http://www.golosinfo.org/articles/143793>

95%.

Как видно из приведенной ниже Таблицы 1, 31 Волжский округ всегда слился своей «консервативностью»: из раза в раз на выборах здесь демонстрируется исключительно высокая явка в диапазоне 82–90% и соответствующие результаты административного кандидата или партии на выборах. Однако появление независимых наблюдателей в этих непуганых местах кардинально меняет картину: явка на участках с наблюдателями оказывается обычной и характерной для российских городов, где покрытие наблюдателями находится на относительно приличном уровне, а там, куда наблюдатели в 31 округе не добрались, картина остается прежней.

Таблица 1. Явка избирателей на выборах разных уровней в 31 Волжском округе Республики Татарстан

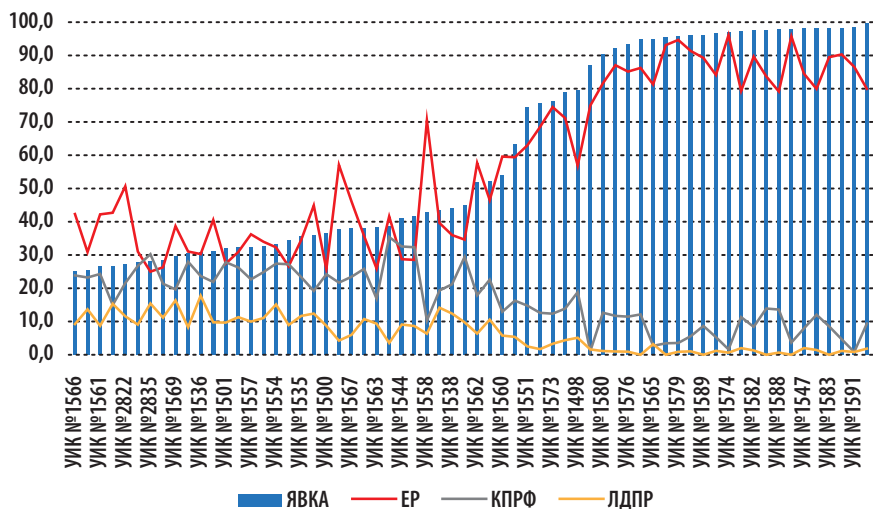
	Выборы в Госсовет Татарстана 08.09.2019		
	С независимыми наблюдателями	Без независимых наблюдателей	Итого по округу
Число участков	42	22	64
Избирателей в списке	56230	6798	63028
Явка, чел.	22558	6444	29002
Явка, %	40,1%	94,8%	46%
	Выборы президента 18.03.2018		
Число участков	42	22	64
Избирателей в списке	57842	6910	64713
Явка, чел.	46453	6688	53141
Явка, %	80,3%	96,8%	82,1%
	Выборы Государственной Думы 19.09.2016		
Число участков	41	22	63
Избирателей в списке	57876	6837	64713
Явка, чел.	51754	6652	58406
Явка, %	89,4%	97,3%	90,3%
	Выборы в Госсовет Татарстана 14.09.2014		
Число участков	41	22	63
Избирателей в списке	56134	7051	63185
Явка, чел.	46211	6786	52997
Явка, %	82,3%	96,2%	83,9%

Источник данных: Дмитрий Первухин. Как фальсифицировали выборы в Татарстане: что показывает статистический анализ //

Ассоциация Голос. <http://www.golosinfo.org/articles/143773>

В целом результаты голосования по партийным спискам на УИКах, входящих в 31 Волжский округ, где происходило противостояние Керпель и Мистахова, представлены в **Графике 1**. Как видим, явка находится в плотном диапазоне 25–45% на 33 участках, а затем начинает резко расти (это еще 10 участков) и в итоге выходит в диапазон от 90 до 100% (это оставшиеся 22 участка, не покрытые наблюдателями). По всей видимости, не все наблюдатели в равной мере справились со своими задачами, откуда и появляется «переходная» группа участков. Одновременно с ростом явки резко начинает расти доля голосов за ЕР и, соответственно, падать доля голосов, поданных за КПРФ и ЛДПР. То есть дополнительно появляющиеся на плохо или вовсе не контролируемых участках «избиратели» все поголовно голосуют за ЕР.

График 1. Распределение участков по уровню явки и голосам, поданным за ЕР, КПРФ и ЛДПР на выборах в 31 Волжском округе Татарстана.

Источник данных: ЦИК РФ; расчеты автора.

В результате, на хорошо контролируемых участках ЕР и КПРФ получили соответственно 35% и 25% голосов, на плохо контролируемых — 62% и 15%, а на неконтролируемых — фантастические 86% и 9%.

Таблица 2. Распределение голосов за ЕР и КПРФ в трех группах УИКов 31 Волжского округа Татарстана, %.

	ЕР	КПРФ
32 участка	35,1	25,1
10 участков	62,1	15,4
В целом 42 контролируемые участка	42,4	22,4
22 участка	85,5	9
Татарстан в целом	72,4	10,7

Источник данных: ЦИК; расчеты автора.

Эксперимент в 31 округе еще раз продемонстрировал, что в России нет территорий «особой электоральной культуры». Разговор о наличии таких территорий всякий раз заходит, когда эксперты обращают внимание на наличие зон устойчиво аномально высокой явки в ряде регионов — в диапазоне от 80 до 100%. Однако всякий раз, когда по тем или иным причинам происходит интервенция наблюдателей на эти территории, выясняется, что явка на контролируемых участках падает до нормального уровня, характерного для конкурентных выборов и городов с достаточным покрытием участков наблюдателями. Иногда явка здесь оказывается даже ниже, чем в городах: местные власти не заморачиваются мобилизацией избирателей, так как располагают достаточной свободой рук в манипуляциях с голосами и протоколами непосредственно в день голосования.

Так случилось, когда в Чечне на последних президентских выборах десантировалась группа наблюдателей из Москвы: оказалось, что явка на закрытых ими 16 участках в Грозном составляет в среднем 45% при официально объявленной явке по республике в целом 91,5%¹. Так случилось и когда корреспонденты «Рейтерс», заблудившись, случайно попали на избирательный участок №62 в деревне Князево на окраине Уфы на думских выборах 2016 г.: явка оказалась 22% вместо средних для прочих участков Калининской ТИК города Уфы 66%, а результат Единой России — 35% вместо 48%². И то же случилось, когда Ассоциация наблюдателей Татарстана проанализировала записи камер видео-

1 Алена Садовская. Выдуманные результаты // Кавказ. Реалии. 19 марта 2018 г. <https://www.kavkazr.com/a/vydumannyyet-rezultaty/29108819.html>

2 Ирина Самойлова. Ё-онлайн. 21.09.2016. <https://www.kommersant.ru/doc/3095180> ; официальные данные ЦИК Республики Башкортостан, http://www.bashkortostan.vybory.izbirkom.ru/region/region/bashkortostan?action=show&tvд=100100067795862&vrn=100100067795849®ion=3&global=true&sub_region=3&prver=0&pronetvd=0&vibid=20220001684958&type=464

наблюдения на 146 участках на президентских выборах 2018 года: количество опущенных в урны бюллетеней составило 53% от списочного состава избирателей, в то время как в целом по республике официально объявленная явка составила 83%³.

Помимо этого, результаты ЕР в рамках татарстанского эксперимента довольно точно попадают в расчетный диапазон средних результатов «Единой России», полученных на основе статистического анализа Сергеем Шпилькиным (см. материал **«Нормальное аномальное...»**). Эти результаты располагаются вокруг отметки 35%. Однако стоит иметь в виду, что результат 35% голосов — это не реальный уровень популярности «партии власти», а ее электро- административный результат. Он указывает на ту долю голосующих за эту партию, чье физическое присутствие на участках способны обеспечить административные «электоральные машины». Голоса же, существенно превышающие этот уровень, являются, как правило, результатом вбросов или переписывания данных в протоколах и на стадии ввода их в систему ГАС Выборы.

3 Ассоциация наблюдателей Татарстана. Пояснения к таблице. <https://tatobservers.ru/analiz-vyborov-2018-goda/analiz-vyborov-2018-godatablica-falsifikaciytablica-falsifikaciy-poyasneniya/>

Наталья Грязневич

НЕВСКАЯ БИТВА: МУНИЦИПАЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

По данным ЦИК о выборах губернатора, проходивших в Санкт-Петербурге одновременно с муниципальными, явка составила 30,1%. Для победы муниципальному депутату было достаточно, как правило, 30% голосов избирателей.

Общая доля представителей «Единой России» в муниципальном депутатском корпусе сократилась с 75% до 60%. Несмотря на давление, принявшее иногда почти криминальные формы, демократическая оппозиция смогла избрать около 300 депутатов и взять большинство в 7 муниципальных советах.

При этом в результате пересчета и переписывания протоколов у оппозиции было украдено как минимум 102 мандата в пользу партии власти. Тем не менее 300 избранных депутатов (почти 20% от их общего числа) — небывалый успех демократической оппозиции. Этот результат существенно превосходит успех муниципальной кампании оппозиции 2017 года в Москве.

КОНКУРЕНЦИЯ И ЯВКА

Выборы проходили в 110 (из 111) муниципальных образованиях. По данным системы ГАС «Выборы», на 1557 мандатов претендовали 5374 кандидата (3,45 кандидата на место), из них: 1677 самовыдвиженцев, 1474 — от ЕР, 511 — от СР, 505 — от ЛДПР, 444 — от КПРФ, 409 — от «Яблока», 241 — от Партии Роста, остальные — от других партий. Если сравнить с 2014 годом, то количество выдвинутых кандидатов больше на 36%, а зарегистрированных — на 44%¹.

В 2014 году выборы проходили в 107 муниципальных советах. И тогда число кандидатов на 1525 мандатов составляло 3779 (2,47 кандидата на место), из них: 1452 — от «Единой России», 489 — от «Справедливой России», 339 — от КПРФ, 288 — от ЛДПР, 106 — от «Гражданской платформы» (команда депутата

1 См. Выборы в Санкт-Петербурге завершены... // ИТАР-ТАСС. 14 сентября 2014 г., <https://tass.ru/spb-news/1441485>

Заксобрания Максима Резника, на выборах 2019 года эти люди шли самовыдвиженцами или при поддержке Партии Роста), 99 — от «Яблока», 810 кандидатов — самовыдвиженцы.

В публичном доступе на сайте ЦИК имеется информация о явке на выборах губернатора, она составила 30,06%. В разных муниципалитетах явка составляла от 25 до 40%. Победитель, как правило, получал около 30% голосов избирателей (от 150 до 1000 голосов в зависимости от численности избирателей в округе). Из-за увеличения числа кандидатов по сравнению с прошлыми выборами, количество голосов необходимых для победы, также стало ниже.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Состав муниципалитетов сильно обновился. Только 596 избранных депутатов являлись депутатами предыдущего созыва, из них 558 — от «Единой России».

По данным системы ГАС «Выборы», «Единая Россия» получила 958 мандатов в 108 муниципалитетах. Это на 230 мест меньше, чем на прошлых выборах. Партия власти впервые в истории лишилась большинства в нескольких муниципалитетах, а в двух не смогла провести ни одного кандидата. Полностью убрать «Единую Россию» удалось в МО Владимирский (там прошли 12 представителей партии «Яблоко», 5 самовыдвиженцев и 3 от «Справедливой России») и МО Левашово (там 8 мест у «Справедливой России» и по одному у КПРФ и ЛДПР).

Второй по численности группой стали самовыдвиженцы, они получили 259 мандатов в 76 муниципалитетах.

Демократические оппозиционные кандидаты на этих выборах шли как самовыдвиженцы, а также выдвигались от партии «Яблоко», Партии Роста и «Справедливой России». В частности, среди 139 избранных депутатов проекта «Объединенные демократы» — по 20–30 кандидатов от каждой из партий, а также 43 самовыдвиженца. В сумме представители «Яблока» получила 81 мандат в 30 муниципалитетах, «Справедливой России» — 107 мандатов в 38 муниципалитетах, «Партии Роста» — 42 мандата в 14 муниципалитетах. Также самовыдвиженцами шли кандидаты штаба Навального. Общее число оппозиционных депутатов можно оценить примерно в 300 человек.

Оппозиция получила квалифицированное большинство в 7 муниципалитетах: Владимирский («Яблоко»+СР+самовыдвиженцы), Литейный («Яблоко»), Смольнинское («Яблоко», штаб Навального), Левашово (СР), Гавань (СР), МО 72 (Партия Роста), Гражданка («Справедливая Россия», «Яблоко»).

Наибольшая концентрация оппозиции — в Центральном, Василеостровском районе города. Наименьшая — в Петроградском, Адмиралтейском, При-

морском¹. Петроградский район курируется лично спикером Заксобрания города Вячеславом Макаровым, там не было допущено ни одной независимой команды. Похожая ситуация в Адмиралтейском районе, где ход выборов лично контролировал заместитель Макарова единоросс Сергей Соловьев.

По сравнению с московскими муниципальными выборами 2017 года, петербургская оппозиция смогла взять больше мандатов в большем числе округов. Этот расклад сил позволит преодолеть муниципальный фильтр трем кандидатам без помощи «Единой России».

Таблица 1. Результаты муниципальных выборов в Санкт-Петербурге в 2019 и Москве в 2017 годах

Санкт-Петербург, 2019			Москва, 2017		
Явка 30,06%			Явка 14,82%		
Субъект выдвижения	Мандаты	Округа	Субъект выдвижения	Мандаты	Округа
«Единая Россия»	958	108	«Единая Россия»	1153	117
Самовыдвиженцы	257	76	Самовыдвиженцы	108	42
«Справедливая Россия»	108	38	«Справедливая Россия»	10	4
«Яблоко»	81	30	«Яблоко»	176	51
КПРФ	72	33	КПРФ	44	22
Партия Роста	42	14	Партия Роста	5	3
ЛДПР	31	17	ЛДПР	4	3
Прочие партии	8	8	ПАРНАС	2	2
Все кроме ЕР	599	216	Все кроме ЕР	349	127
Общее число	1557	110	Общее число	1502	124

НАРУШЕНИЯ

Муниципальные выборы 2019 года проходили без главного инструмента «коррекции» результатов, использовавшегося в 2014 году, — досрочного голосования. В прошлый раз именно благодаря «досрочке», достигшей 24% от общего числа голосов, «Единая Россия» смогла обеспечить нужный результат гу-

1 Горизбирком подвел итоги муниципальных выборов // Закс.Ру, <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192893>

бернатора и муниципальных депутатов². Однако отмена досрочного голосования не спасла от многочисленных нарушений и фальсификаций результатов.

По данным ассоциации «Голос», результаты выборов как минимум в 24 муниципалитетах нужно признать недействительными³. Там были зафиксированы грубые нарушения практически на всех этапах избирательной кампании: выдвижения (искусственные очереди, закрытые ИКМО), регистрации (отказ в регистрации из-за «ошибок» в партийных документах, неправильно собранных подписей), голосования (карусели, аномальное надомное голосование⁴) и подведения итогов (тайный «пересчет» в пользу «Единой России»).

Итоги выборов во многих муниципалитетах не могли подвести спустя несколько дней после дня голосования. В это время во многих участках происходили «пересчеты» голосов, в результате которых «Единая Россия» забирала мандаты у оппозиции. Партия «Яблоко» заявляет о 24 украденных мандатах, Партия Роста — о 30 (лидер партии Павел Швец, помощник депутата Оксаны Дмитриевой, провел 45 кандидатов во Фрунзенском районе, но осталось только 15)⁵. «Справедливая Россия» потеряла как минимум 38 мандатов. В «Объединенных демократах» не досчитались 10 мандатов оппозиционных самовыдвиженцев.

Яркой иллюстрацией правового беспредела может служить МО «Екатерингофский». Там команда действующего совета от «Единой России» боролась с командой руководителя петербургского Штаба Навального Александра Шуршева. В этом округе были зафиксированы почти все виды нарушений. Вначале ИКМО тайно назначило выборы (по закону, назначение выборов должно быть отражено в муниципальной газете и опубликовано в ГАС «Выборы»), потом физически не пропускало кандидатов подать документы, в том числе с помощью полиции. Кандидаты подвергались физическому нападению. Когда кандидаты буквально с боем смогли подать документы, им отказывали в регистрации члена комиссии с правом решающего голоса, устанавливали оборудования для глушения аудиозаписей в здании ИКМО, затем отказывали в регистрации самим кандидатам. Кандидаты смогли отменить это решение и были зарегистрированы горизбиркомом. За месяц до выборов кандидатов дважды пытались снять через суд, и они смогли начать кампанию только за две недели до выборов. Тем не менее, в день выборов к

2 Заявление «Голоса» по результатам анализа официальных данных итогов голосования на выборах, состоявшихся в городе Санкт-Петербурге 14 сентября 2014 года // Голос. <http://www.golosinfo.org/articles/1033>

3 Выборы в 24 муниципалитетах Петербурга необходимо признать недействительными // Голос., <http://www.golosinfo.org/articles/143787>

4 В Петербурге жалуются на аномально активных «надомников» на выборах // ИА Regnum. 8 сентября 2019 г., <https://regnum.ru/news/polit/2712265.html>

5 Пресс-релиз партии «Яблоко» от 16 сентября 2019 г. <https://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2019/09/16> ; заявление О. Дмитриевой («Закс.ру»), <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192417>

избирательным участкам и самому ИКМО были согнаны Росгвардия и ОМОН. По результатам голосования команда Шуршева должна была взять 5 мест из 10. Однако спустя сутки результаты одного из УИКов решили пересчитать. В результате пересчета, в совет МО «Екатерингофский» прошла только Единая Россия.¹

«Пересчет» и переписывание голосов стал главным инструментом коррекции результатов в округах, где побеждала оппозиция. Чтобы не допустить подмены бюллетеней, кандидаты дежурили у помещений ИКМО, в частности, Центрального района (район с наибольшим представительством независимых кандидатов). Наиболее скандальные случаи пересчета произошли в МО «Пороховые» (кандидату «Объединенных демократов» от Партии Роста Илье Сялову убавили 100 голосов), МО «Рыбацкое» (кандидат Максим Плюсин), МО «Шувалово-Озерки» (победу украли у кандидата ОД Александра Немеровского), МО 21 (победы лишилась кандидат «Объединенных демократов» Марианна Бакан), МО «Озеро Долгое» (там кандидаты дежурили у ИКМО, чтобы не допустить подмены бюллетеней, в результате их разогнали с помощью пожарных и полиции, а результаты все-так переписали)².

1 Сообщения «Закс.ру» от 30 июля, 3 июля, 13 июля, 8 сентября, 9 сентября и 18 сентября 2019 года. <https://munizipal.zaks.ru/archivemo/6554> ; <https://munizipal.zaks.ru/archivemo/6556> ; <https://munizipal.zaks.ru/archivemo/6596> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/190120> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/190122> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192178> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192197> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192326> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192687>. Сообщения «Фонтанка.ру» от 26 июня, 10 июля и 1 сентября 2019 года. <https://www.fontanka.ru/2019/07/01/104/> ; <https://www.fontanka.ru/2019/06/26/039/> ; <https://www.fontanka.ru/2019/07/10/088/>

2 См. сообщения «Закс.ру» от 9 и 14 сентября 2019 года. <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192278> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192317> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192334> ; <https://www.zaks.ru/new/archive/view/192556> и «Фонтанка.ру» от 13 сентября 2019 года. <https://www.fontanka.ru/2019/09/12/170/>

МОСКОВСКОЕ РАЛЛИ: АКТОРЫ И ФАКТОРЫ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Кампания по выборам депутатов Московской городской Думы вылилась в масштабное противостояние властей с оппозицией и стала центральным политическим событием лета 2019 года, затмив собой повестки прочих региональных выборов. Переходя от одной стратегии к другой, оппозиции удалось придать кампании каскадный характер, а состоявшиеся массовые уличные протесты стали самыми крупными с 2011–2012 годов. В целом московская кампания включала в себя четыре фазы:

- *сбор подписей и попытка регистрации независимых кандидатов на выборах в Мосгордуму (6 июня — 13 июля);*
- *протестная кампания «Допускай!» в поддержку незарегистрированных кандидатов, встретившая волну ответных репрессий властей (14 июля — начало августа);*
- *широкая общественная кампания против полицейского произвола и политических репрессий (с начала августа);*
- *тактика «умного голосования» на выборах в Мосгордуму (24 августа — 8 сентября).*

На первом этапе независимые кандидаты, намеревавшиеся баллотироваться в Мосгордуму, организовали широкую публичную кампанию по сбору подписей в свою поддержку (необходимо было собрать по 3% подписей избирателей своих округов, или в среднем около 4 тыс. подписей).

Нагнетанию политической атмосферы в городе способствовал арест 6 июня журналиста Ивана Голунова, обвиненного в хранении и сбыте наркотиков. 7–11 июня кампания в поддержку Голунова развернулась в социальных сетях и в офф-лайне, в результате 11 июня обвинения с Голунова были сняты, сам он отпущен. Однако 12 июня все же состоялось несанкционированное шествие в его поддержку, разогнанное полицией.

После того, как в ходе проверки собранных подписей стало ясно, что независимые кандидаты зарегистрированы не будут, началась вторая, протестная фаза московской кампании под лозунгом «Допускай!» Ее началом можно считать несогласованный митинг в Новопушкинском сквере 14 июля, откуда собравшиеся отправились к Мосгоризбиркому. Полиция сначала не противодействовала собравшимся, однако после попытки разбить во дворе Мосгоризбиркома палаточный лагерь жестко разогнала их.

До 20 июля кампания «Допускай!» оставалась малочисленной и не встречала особого сопротивления властей (ставка делалась на демобилизованность городского класса в отпускной сезон). Ситуация изменилась после того, как согласованный митинг на проспекте Сахарова 20 июля собрал 22 тыс. человек, а Алексей Навальный на митинге поставил ультиматум городским властям с требованием зарегистрировать независимых кандидатов и призвал собравшихся приходиться к мэрии 27 июля.

24 июля власти начинают кампанию репрессий и запугивания, призванную не допустить проведение несогласованного митинга, арестованы лидеры протеста — незарегистрированные кандидаты и Алексей Навальный. 27 июля огромные силы полиции берут в кольцо оцепления все подступы к мэрии, но стихийный митинг происходит в разных местах по периметру кольца, протестующие растекаются по городу. Полиция задерживает около 1400 человек — максимальное число за всю историю наблюдений. Кадры, демонстрирующие жестокость полиции, заполняют интернет. Не удается полиции предотвратить и следующую акцию оппозиции 3 августа, которая «растекается» по Бульварному кольцу и также сопровождается массированными задержаниями (1000 человек).

С 30 июля власти разворачивают широкую репрессивную кампанию: возбуждают уголовное дело о «массовых беспорядках» (по модели «Болотного дела» 2012 года), по которому на 3 августа задержаны 8 человек. Фокус протестных эмоций смещается от темы выборов в Мосгордуму на тему полицейского террора и политических репрессий. Именно эта тема оказывается в центре самого массового с 2012 года митинга 10 августа на площади Сахарова, на котором появляются популярные в молодежной среде блогеры и рэперы.

После митинга 10 августа начинается постепенная деэскалация противостояния с обеих сторон. 13 августа члены Совета по правам человека обращаются с заявлением, в котором просят проверить обоснованность возбуждения дела о массовых беспорядках. Задержания по этом делу прекращаются, а около 20 августа следствие начинает снимать с тех задержанных, которым была предъявлена 318 статья (причинение вреда представителю власти), обвинение по статье о массовых беспорядках. Спадает накал и со стороны протестующих. Несогласованная акция 31 августа проходит без всякого противодействия со стороны властей, но и без ярких жестов оппозиции; протестная молодежь не устраивает «гуляний» по городу, как это было на акциях 27 июля и 3 августа.

Вышедший 24 августа Алексей Навальный начинает кампанию агитации за «умное голосование»: он призывает сторонников к тактическому голосованию за самого сильного кандидата, противостоящего представителю «списка мэрии», во всех округах Москвы. Так стартует четвертая фаза электоральной кампании оппозиции. На выборах в Мосгордуму 8 сентября представители «списка мэрии» побеждают в 25 округах из 43; проиграли кандидатам «умного го-

лосования» ряд видных административных кандидатов, в том числе глава московской «Единой России» Андрей Метельский. Оппозиция интерпретирует итоги голосования как свой крупный успех.

Приговоры судов по «московскому делу», вынесенные 3–5 и 16 сентября, вызывают новую волну кампании в поддержку политзаключенных. В результате на начало октября в отношении 7 человек дела прекращены, 7 приговорены к реальным срокам и один — к условному, трое остаются под следствием (под домашним арестом или подпиской о невыезде).

ХРОНИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Дата	Событие	Оценки числа участников	Задержания
5 июня	Официальный старт кампании по выборам в Мосгордуму		
6 июня	Задержание журналиста Ивана Голунова		
7–11 июня	Кампания в соцсетях и СМИ в поддержку Голунова; «очередь на пикет» в поддержку журналиста перед зданием ГУВД Москвы		
12 июня	Несанкционированное шествие в поддержку Голунова	около 10000 человек	420 задержанных
6 июля	Окончание этапа сбора подписей избирателей в поддержку кандидатов, начало этапа их проверки		
10–13 июля	Одиночные пикеты и встречи с избирателями независимых кандидатов перед избиркомам		
14 июля	К этому дню забракованы подписные листы всех 17 независимых кандидатов, им отказано в регистрации		
14 июля	Встреча 17 независимых кандидатов с избирателями в Новопушкинском сквере и несогласованное шествие к Мосгоризбиркому	Несколько сотен человек	39 задержанных
15–19 июля	Ежедневные вечерние встречи с незарегистрированными кандидатами на Трубной площади (не согласовывались)	400–600 человек каждый день	
20 июля	Согласованный митинг на проспекте Сахарова; ультиматум оппозиции и объявление несогласованного митинга у мэрии 27 июля	22000 человек («Белый счетчик»)	7 человек
24 июля	Возбуждение уголовного дела по ст.141 (воспрепятствование деятельности избиркомов); обыски и допросы в отношении незарегистрированных кандидатов и членов их штабов; арест А. Навального		

25–27 июля	Утверждение отказов в регистрации Мосгоризбиркомом; допросы и задержания незарегистрированных кандидатов		
27 июля	Несогласованные акции протеста в центре города (район Тверской), противостояние с полицией, протестные «гуляния»	10000-15000	1373 задержанных,
28–29 июля	Лидеры оппозиции получают административные аресты; начинаются суды над задержанными 27 июля		
30 июля	Следственный комитет возбуждает дело «о массовых беспорядках»; лидер Либертарианской партии Михаил Светов арестован на выходе из мэрии после отказа от предложенных мэрией площадок для проведения акции 3 августа		
31 июля — 3 августа	Число задержанных по делу о массовых беспорядках достигает 8		
3 августа	Несогласованная акция на Бульварном кольце	Более 10000 участников в Москве, около 2000 в Петербурге	1001 задержанных в Москве, 78 в Петербурге
3 августа	Следственный комитет возбуждает «дело об отмывании» против Фонда борьбы с коррупцией		
8–9 августа	Еще четыре человека задержаны по делу «о массовых беспорядках»		
9 августа	Пресс-секретарь Мосгорсуда сообщает «Интерфаксу», что суды назначили штрафы 880 задержанным на акциях 27 июля и 3 августа, административные аресты — 113 задержанным и обязательные работы — 8		
10 августа	Митинг на проспекте Сахарова, несанкционированный митинг у Администрации Президента	60000 человек («Белый счетчик»)	256 задержанных
11–12 августа	Последние два человека задержаны по делу «о массовых беспорядках»; общее число задержанных составило 16 человек		
16 августа	Начало кампании коллективных писем против политических репрессий		
17 августа	Согласованный митинг КПРФ на проспекте Сахарова; серия пикетов на Бульварном кольце	6000–8000 человек	
31 августа	Несогласованное шествие по Бульварному кольцу (полиция не препятствовала акции)	Около 10000 человек	
3 сентября	Прекращены дела 5 человек по делу «о массовых беспорядках»		

3–5 сентября	Суды спешно выносят приговоры 6 обвиняемым по «московскому делу»		
12 сентября	В 43 регионах Следственный комитет проводит около 200 обысков у волонтеров и членов штабов ФБК		
16 сентября	Актерский флэшмоб в поддержку осужденного на 3,5 года Павла Устинова		
18 сентября	Стартует сериальный пикет в поддержку Павла Устинова и других политзаключенных		
29 сентября	Митинг на проспекте Сахарова в поддержку политзаключенных	25000 человек («Белый счетчик»)	

Александра Архипова, Алексей Захаров, Ирина Козлова, Мария Гаврилова

ДЕМОГРАФИЯ ПРОТЕСТА: СОСТАВ И ДИНАМИКА УЧАСТИЯ

Среди участников летних протестных акций — 80–85% москвичей с уровнем образования гораздо выше среднего по стране. Вопреки расхожему представлению протест не стал более молодежным по сравнению с акциями 2011–2012 годов. Медианный возраст участников несогласованной акции 3 августа составил 30 лет, однако в дальнейшем он повышался и достиг 40 лет на согласованном митинге 29 сентября.

В протест активно вовлекались новые контингенты: так, четверть из 60 тыс. участников акции 10 августа на проспекте Сахарова впервые вышла на митинг либо в этот день, либо в течение предыдущего месяца.

Ключевым фактором мобилизации уже в августе стала тема полицейского и государственного насилия. В этот период существенно выросла доля и активность женщин на акциях протеста.

Формы солидаризации и протестной мобилизации не ограничивались форматом массовой уличной акции, но включали также волонтерство, пожертвование средств на общественные проекты, прежде всего — помогающие жертвам репрессий.

Этим летом в Москве сформировалась новая форма протеста — «очередь на пикет», возникшая из уже привычного «сериального пикета». Участие в пикетах известных журналистов, общественных деятелей и актеров привело к его демаргинализации; сериальный пикет и «очередь на пикет» стали механизмом вовлечения в протестную активность новых контингентов, принимающих участие в нем по мотивам цеховой солидарности.

Осенью готовность людей участвовать в массовых уличных протестах снизилась, однако мобилизация, связанная с иными формами протестной солидаризации, остается на высоком уровне.

ОБРАЗОВАНИЕ И МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ

Вопреки расхожему представлению, что в акциях участвуют бездельники и молодежь, социально протестующие были людьми с высшим образованием, многие — высококвалифицированными работниками (ИТ-специалисты, журналисты, преподаватели, архитекторы, инженеры). В частности, на митинге 29 сентября доля людей с высшим образованием составила 78%, из них 6% были обладателем кандидатской или докторской ученой степени, при том что среди всего населения России обладатели степеней составляют всего 0,5% (на митинге 31 августа эти цифры были 67% и 4% соответственно). Таким образом, уличные акции оказываются перепредставлены обладателями ученых степеней почти в 10 раз.

Подавляющее большинство протестующих (более 80%) постоянно проживают в Москве (рис. 1), вопреки заявлениям некоторых СМИ, что якобы среди них преобладали жители регионов, специально приехавшие в столицу. Исключение составлял, пожалуй, митинг КПРФ, прошедший 17 августа — там были задействованы партийные ячейки Подмоскovie. На прочих митингах подмосковные жители составляли 10–17% пришедших. Показательно, что самыми популярными кричалками на митинге 3 августа были кричалки, обращенные к москвичам: «Москва, выходи!» и «Стыдно стоять в стороне!» и заявляющие о своем праве на город: «Это наш город!» и «Мы в своем городе!»

График. 1. Участники московских митингов лета 2019 года: место проживания

ДИНАМИКА ВОЗРАСТОВ: ПОМОЛОДЕЛ ЛИ ПРОТЕСТ?

6 сентября в одну из московских школ пришла сотрудница полиции, инспектор по делам несовершеннолетних, которая угрожала школьникам проблемами с поступлением в вузы за один только факт появления на митингах¹. Подобные угрозы, которые за последние два года уже стали привычными, отражают «реальность», выстроенную в головах правоохранителей: бунтует молодежь, «школота Навального». Именно их и надо запугивать. Вопреки этому представлению, которое сложилось еще с 2017 года, несовершеннолетних на митинги выходят не так уж много. Молодых людей до 18 лет включительно на проспекте Сахарова 10 августа было всего 8% от общей численности и незначительно меньше на несогласованном шествии по бульварам 31 августа; 29 сентября их было 4% от общего числа участников. Это вполне сравнимо с тем, что было зимой 2011–2012 годов: на митинге 24 декабря 2011 года их было 5%².

Ощущение, что юных участников протеста много, возникает от соединения двух факторов. Первое — это наш взгляд на них. Подростки за последние три года стали политическими субъектами и постоянными ньюсмейкерами. Второе — то, что молодежная группа до 25 больше других любит брать в руки плакаты, повязывать ленточки, а также делать прочие сильные политические жесты. Поэтому наблюдатели и СМИ их больше замечают.

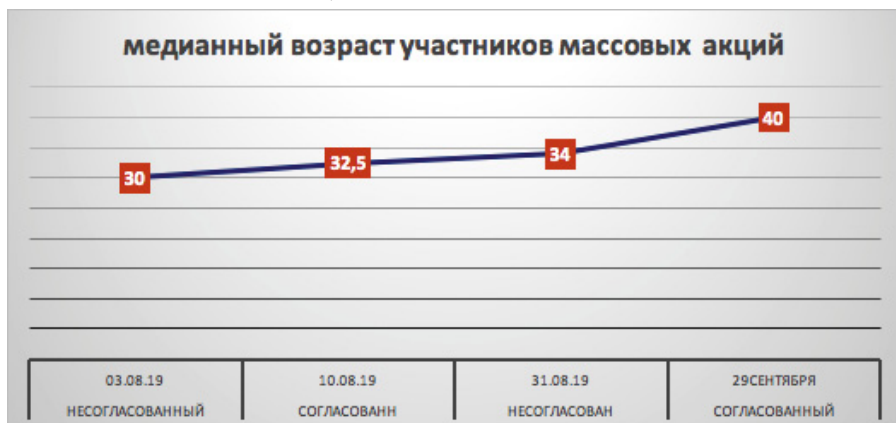
А что было на самом деле? На протяжении московского политического лета на уличные акции выходили представители всех возрастных групп, и их динамика была устроена по-разному. Молодежь (до 25 лет) выходила довольно активно, но ее доля от общей численности участников также не превышала той, что была в 2011–2012 годах³.

1 <https://zona.media/news/2019/09/06/bloody-tears>

2 Данные опроса Анны Соколовой и ее коллег: М. Головина, Е. Семирханова, А. Соколова «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике. «Мы не немцы»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов. Тарту, 2014. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/usjeqq8in4/direct/197430416>

3 Там же.

График 2. Медианный возраст участников массовых акций

Участие молодежи в массовой уличной активности зависит от согласованности, типа акций и связано с динамикой протеста в целом. Сначала уличный протест был довольно молодым: медианный возраст участников несогласованной акции 3 августа был 30 лет. Потом он стал неуклонно подниматься — на согласованной акции на пр. Сахарова 10 июля был уже 32,5, на шествии 31 августа — 34, а на проспекте Сахарова 29 сентября — уже 40. Исключением являются участники митинга 17 августа, организованного КПРФ: там наблюдалось сильное присутствие партийного актива старшего возраста и высокая доля административной мобилизации, поэтому медианный возраст его составил 50 лет.

Доля второй возрастной группы, от 25 до 35 лет, тоже менялась. Осенью ее присутствие сильно снизилось — с 36% 10 августа до 21% 29 сентября. И этот разрыв очень важен. А доля тех, кто старше 35 лет, наоборот, 29 сентября сильно выросла. Причем, эта старшая группа — совсем не новички: они участвовали в маршах памяти Немцова, ходили на Болотную в 2011 году и даже защищали Белый дом в 1991 году.

График 3. Участники московских митингов по возрастным группам.

ЖЕНЩИН СТАНОВИТСЯ БОЛЬШЕ

Соотношение долей мужчин и женщин в российских протестных акциях принято описывать формулой «60 на 40». Эта цифра была довольно устойчива раньше: 24 декабря 2011 года на проспекте Сахарова 66% вышедших были мужчинами. Однако постепенно ситуация стала меняться, и доля женщин в политических акциях поднялась на 10 пунктов.

График 4. Доля мужчин и женщин на акциях протеста в 2011–2019 годах

Женщины в Москве не боятся выходить на несогласованные акции, на которых задержания иногда бывают очень жесткими. И здесь не только сиюминутный расчет, что задерживать мужчин будут активнее. В целом женщины теперь гораздо сильнее включены в политический процесс. И вопрос даже не в том, сколько их вышло, а в том, как они себя ведут.

В 2011 году женщины гораздо реже, чем мужчины, брали в руки плакаты — это значит, что многие из них были не готовы максимально публично высказывать свою политическую позицию. Мало того — если женщины и брали в руки плакаты, то это, как правило, были или совсем юные девушки, или пенсионерки. Ситуация резко изменилась в 2017 и особенно 2018 году во время московской инициативы по реновации старого жилья и протестов против повышения пенсионного возраста. Именно женщины стали тогда отстаивать «свое»: они выходили на защиту не абстрактных политических истин, а дома и мужа. Доля женщин в возрасте 25–45 лет, которые стали не бояться держать плакаты, увеличилась на 10%. Если же мы посчитаем только «самодеятельные плакаты» — «домашние заготовки», сделанные своими руками, разница окажется еще больше, иногда на целых 30%. На массовой акции 10 августа 2019 года, наконец, было достигнуто гендерное равенство: женщины брали в руки плакаты так же часто, как и мужчины — соответственно, они в той же степени подвергали себя дополнительному риску.

КАК УСТРОЕНА ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ?

10 августа доля опрошенных участников, пришедших в первый раз, составила 17%; еще 9% респондентов ответили, что их первый опыт участия в митинге, шествии или пикете состоялся менее месяца назад, то есть тоже пришелся на время политического кризиса вокруг выборов в Московскую городскую Думу. Так как общая численность митинга составляла 55–60 тыс., то мы можем говорить о минимум 15 тыс. человек, в первый раз участвовавших в уличной акции. К этому числу следует добавить тех, для кого первый опыт пришелся на 27 июля или 3 августа, но кто не пришел 10 августа, а также участников мероприятий в поддержку Ивана Голунова или сестер Хачатурян. Итого число тех, кто впервые принял участие в протестных акциях этим летом, могло составить 25 тыс. человек и более.

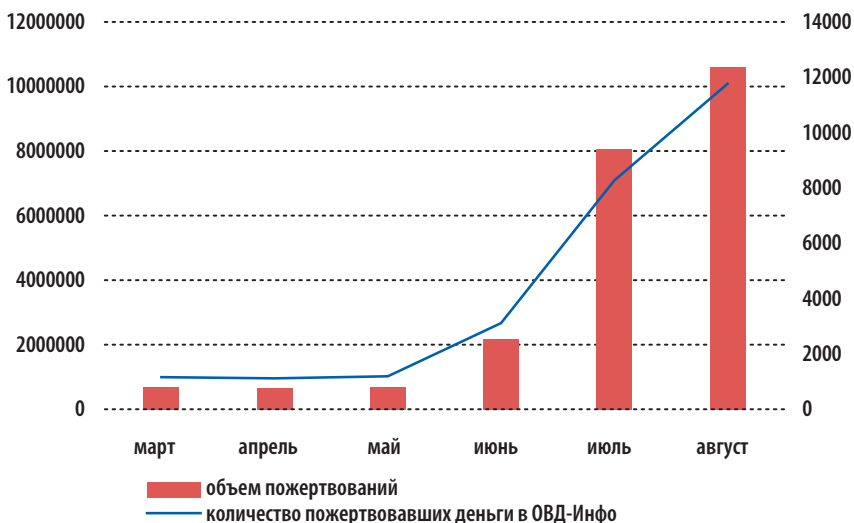
Важным фактором для протестной мобилизации оказалась тема полицейского насилия. На митинге 10 августа постоянно встречались плакаты: «За что вы так с нами?», «Всех не пересекаете!», «Эта власть родом из бандитского Петербурга! Ее аргументы — дубинкой по голове!». Причем информация о полицейском насилии распространилась очень широко и в самых неожиданных кругах. Например, 17 августа на площади Сахарова состоялся митинг в поддержку выборов в Мосгордуму, организованный КПРФ (по данным «Белого

счетчика» его посетили 4200 человек). Несмотря на то, что средний возраст посетителей такого митинга составлял 50 лет и 31% его участников постоянно проживает не в столице, 66% людей, мобилизованных КПРФ, видели ролики, в которых один полицейский грубо задерживает инвалида, а другой бьет девушку кулаком в живот. Эти люди видели ролики лично, а еще большее количество людей не видели их, но слышали в пересказе друзей и знакомых. Отметим, что согласно всем количественным и качественным исследованиям, именно эта группа постоянно смотрит телевизор. Тем не менее, несмотря на табуирование госканалами темы жестокости при задержаниях, эта информация все равно широко распространилась среди граждан.

ФОРМЫ СОЛИДАРИЗАЦИИ И ПРОТЕСТА ВНЕ МАССОВОЙ УЛИЧНОЙ АКТИВНОСТИ

Не стоит думать, что протест — это только выход на улицы. За каждым всплеском уличной политической активности стоит низовая солидаризация граждан. Москвичи «скидывались» деньгами на организацию митингов 10 августа и 29 сентября, перечисляли деньги на такси задержанным, чтобы они могли доехать домой после поздних оформлений протоколов, в очередь на пикеты в поддержку Голунова и Устинова приносили чай и бутерброды. Также многие горожане ходили на суды в поддержку задержанных на уличных акциях.

График 5. Динамика пожертвований и числа жертвователей в пользу ОВД-инфо

Возьмем, к примеру, проект «ОВД-инфо» — волонтерскую службу, существующую только на пожертвования, которая оперативно собирает сведения о политзаключенных в России, в том числе о задержаниях на митингах, помогает направлять к ним адвокатов и снабжает всех полезными инструкциями. Средний объем пожертвований для ОВД-инфо — полмиллиона рублей в месяц. В июле он увеличился в 13 раз, а в августе — в 22 раза. Не менее показательна картина с количеством тех, кто жертвовал деньги: в июле и августе оно также выросло в 10 раз.

Массовая уличная активность — не единственный, хотя и самый заметный способ протестовать. Многие не хотят выходить на массовые протесты, тем не менее они готовы помогать. Из опроса 29 августа мы знаем, что жертвовать деньги на политические цели, на политзаключенных и на проекты, которые их поддерживают, охотнее всех соглашаются люди от 26 до 35 лет, и в особенности те, кто уже участвовал в акциях протеста и, соответственно, сам подвергался рискам.

Такая форма уличной активности как пикет, значительно отличается от массовой публичной акции хотя бы по степени риска. Пикеты, конечно, согласовывать не надо, и они являются единственной возможной формой «немедленного протестного реагирования». Однако это не спасает от возможных задержаний, а также от того, что у тебя возьмут паспорт и перепишут данные. Но еще важнее в случае с индивидуальным пикетом возможный репутационный ущерб: прохожие странно на тебя смотрят, могут оскорбить. Практики подобного рода достаточно эффективны: пикеты привлекают внимание людей, о них пишут журналисты и активно распространяется информация в социальных сетях. Так вот, готовность к участию в пикетах сильно зависит от возраста. На такие репутационные риски и одновременно такое сильное вовлечение в процесс с гораздо большей вероятностью готовы идти люди до 35 лет. Готовность людей старше 50 лет стоять в пикете на 30% ниже.

МОСКОВСКИЙ СЕРИАЛЬНЫЙ ПИКЕТ: НОВАЯ МОДНАЯ ФОРМА ПРОТЕСТА

Одиночный пикет — известная по всему миру и привычная для постсоветской России форма протеста. Одиночный пикет имеет ряд формальных особенностей: его проведение не требует согласования и для него не нужны технические средства. Одиночный пикет является способом оставаться полностью в рамках соблюдения закона.

Примерно с 2017 года в Москве становится популярной новая форма протеста — сериальный пикет, который приходит на смену серии одиночных пикетов через 50 метров друг от друга. В сериальном пикете участник в одиночку стоит с плакатом, но при этом не от 30 минут до 2 часов, а от 30 секунд до 15

минут, после чего передает плакат следующему участнику, который стоит где-то неподалеку и ждет своей очереди. Одновременно в такой очереди могут находиться от 4–5 до нескольких сот человек одновременно. Вечером 10 июня (на 21.00) во время пикетов в поддержку Голунова стояло три очереди, суммарное количество участников которых превышало 300 человек. Таким образом, лето 2019 года создало новую форму протеста — «очереди на пикет», то есть форму упорядоченного сериального пикета. Отличие ее от сериального пикета в том, что формой протеста здесь является уже само «пребывание в очереди», в то время как на обычном сериальном пикете ждать, пока освободится место, можно было гуляя по улице, болтая с товарищами или сидя в ближайшем кафе. По сути сериальный пикет — это массовая акция, замаскированная под пикет.

По нашим наблюдениям, до лета 2019 года в пикеты выходили в основном политические активисты небольшими группами. Пикеты в поддержку Ивана Голунова отличались от них не только количественно, но и составом участников: на этот раз в пикеты вышли известные журналисты и деятели культуры, что поменяло взгляд на них граждан. Форма пикета «демаргинализировалась», участие в них стало восприниматься не как специфическое занятие активистских групп, а как общегражданское дело и защита коллег по профессии. Вслед за пикетами в поддержку Голунова прошли пикеты в поддержку сестер Хачатурян, а потом — в поддержку Павла Устинова.

До 2019 года практически было невозможно встретить в пикете человека, который сказал бы, что вышел на уличную акцию впервые: как правило, участники пикетов рассказывали, что сначала выходили на большие митинги, потом стали больше интересоваться политикой, втянулись в активизм и начали ходить уже и на пикеты. Летом 2019 года ситуация резко изменилась: участники пикетов во время интервью и опросов неоднократно говорили, что это их первая в жизни акция. 36% участников пикетов в защиту Павла Устинова вышли на политическую акцию первый раз в жизни, и это самый большой долевым приток «новичков» на летних акциях. Во многом это связано с тем, что желание выразить солидарность испытывают коллеги по цеху, которые до этого не интересовались политикой. Так, на пикетах в поддержку Павла Устинова среди тех, кто впервые вышел на пикет, почти все были актерами или артистами.

Московский сериальный пикет обладает еще одной особенностью. Он самый молодой. Медианный возраст участников — 29 лет (при том, что медианный возраст летних московских митингов — 32–34 года). Поэтому неудивительно, что среди опрошенных на митинге 29 сентября именно молодежь подтверждала свое намерение в будущем выходить на пикеты.

ДИНАМИКА СОЛИДАРИЗАЦИИ: СЛИЛСЯ ЛИ ПРОТЕСТ?

В течение летних месяцев мы имели возможность наблюдать усиливающуюся низовую мобилизацию среди москвичей. Люди солидаризируются по повестке сопротивления несправедливости властей, полицейскому произволу и насилию. В этот процесс прямо на глазах вовлекался все более и более широкий круг людей самых разных возрастов, убеждений и степеней политической активности.

К середине сентября прирост новичков был значительным, но сейчас он вернулся к обычной ситуации. На данный момент (1 октября 2019 года) стремление участвовать в уличной активности людей в возрасте от 25 до 50 сильно упало, однако низовая солидаризация в других формах (хождение по судам, пожертвования и проч.) сохраняется на высоком уровне.

Заметную политическую субъектность обретают не только молодые люди, но и женщины в возрасте от 25 до 50 лет, что свидетельствует о глубине и серьезности происходящего. Примерно половина участников согласованных акций готовы также принимать участие в акциях несогласованных: на митинге 10 августа таких было 46%, 29 сентября — 51%. Страх перед участием в несогласованных акциях постепенно отступает.

Вместе с тем участники московских протестов лета 2019 года настроены далеко не только и даже не столько на участие в уличных акциях, сколько на включение в совместную деятельность в общих интересах и на взаимную поддержку как финансово (краудфандинг), так и действием (подвоз продуктов задержанным, выход на пикеты, присутствие на судебных слушаниях).

Денис Волков

СОЦИОЛОГИЯ ПРОТЕСТА: КОНТЕКСТ, ФАКТОРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Протестные настроения в России остаются на высоком уровне с середины 2018 года и приближаются по своему уровню к протестам конца 2011–2012 годов. Однако уровень пессимизма в отношении будущего все еще находится на более низком уровне.

Почти одинаковые группы имели в конце августа положительное (25%) и отрицательное отношение к протестам в общероссийском опросе; в Москве сочувствие протестам достигало почти 40%, поляризуясь при этом по признаку возраста и пользования интернетом.

Жесткий разгон демонстрантов полицией оказал, может быть, даже большее влияние на общественное мнение, чем сами протесты, и произвел гнетущее впечатление даже на сторонников власти. Кроме того, протесты вывели на общефедеральную орбиту московских активистов, задействованных в протестах, в частности, Илью Яшина и Любовь Соболь.

ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

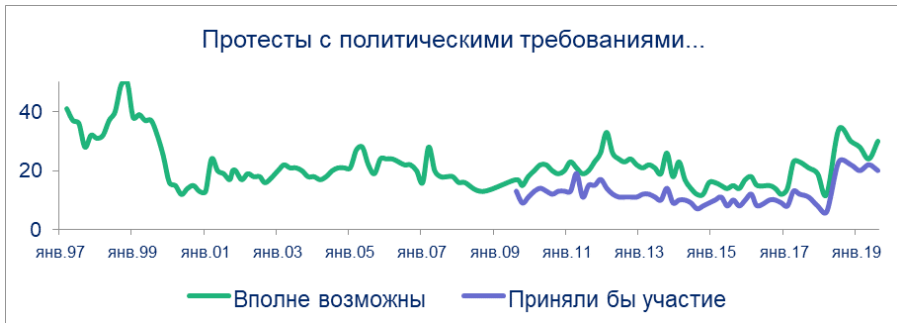
Протесты в июле-августе 2019 года в поддержку независимых кандидатов, которых власти не допустили до участия в выборах в Мосгордуму, следует рассматривать в контексте других региональных протестов последнего времени – против строительства мусорного полигона в Шиесе Архангельской области, переноса границы с Чечней в Ингушетии, строительства храма на месте городского сквера в Екатеринбурге, а также пикетов и акций в поддержку журналиста Ивана Гедунова, задержанного в июне в Москве по сфабрикованному обвинению.

Протесты в различных регионах страны происходят на фоне ухудшения общественных настроений и снижения авторитета российской власти, рейтинги которой в 2018 году опустились до минимальных значений последних лет. Рейтинг одобрения премьера снижался до 28%, Думы — до 30%, правительства — до 33%, рейтинг одобрения Владимира Путина — до 64%.¹ Резкий обвал пока-

1 Подробнее о динамике одобрения основных государственных институтов см.: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>

зателей наблюдался после объявления пенсионной реформы в середине 2018 года, которую большинство россиян посчитало несправедливой, ущемляющей интересы обычных людей в пользу интересов бюрократии и большого бизнеса. Однако постепенное снижение этих индикаторов началось гораздо раньше, по мере падения доходов населения (которое продолжается пятый год подряд), исчерпания крымского эффекта и нарастания неуверенности в будущем. Кроме того, после объявления о пенсионной реформе также резко выросла готовность россиян принимать участие в акциях протеста с политическими требованиями, и с тех пор этот показатель держится на уровне четверти населения.²

График 1. Протесты с политическими требованиями: вероятность и готовность участвовать

Изменилась и база поддержки российской власти. Разочарование выросло во всех слоях населения, но особенно сильно ее авторитет просел среди людей среднего возраста и молодых (но не самых юных) россиян. Теперь наиболее лояльны системе пенсионеры, выигравшие от индексации пенсий после реформы. А вот граждане 25–55 лет испытывают к российской власти заметно меньше симпатий. Люди этой возрастной группы, судя по фото с митингов, составили основу летних протестов в Москве (заметим, что участники несогласованных митингов обычно моложе, чем согласованных). В списках задержанных на московских митингах было много молодых, но уже состоявшихся людей. Другим очагом критического отношения к федеральным властям является Москва, недовольство здесь концентрируется именно на президенте и партии власти.

Описанные настроения приближаются к тем, что были распространены в российском обществе накануне протестов 2011 года. Однако сегодня ситуация

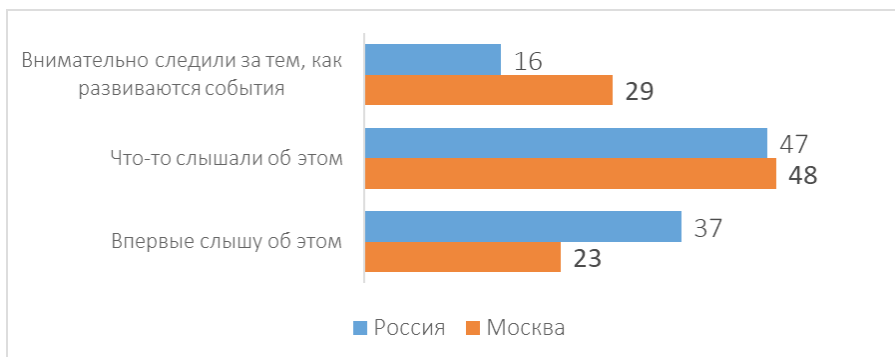
2 Подробнее о динамике протестного потенциала в России см.: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>

пока еще не зашла настолько далеко, как восемь лет назад. Разочарование в правительстве и президенте накапливается, но оно еще не так велико, а пессимизм по поводу будущего еще не настолько распространен, как это было в 2011 году. Вероятно поэтому сегодня мы наблюдаем лишь отдельные, не связанные друг с другом протесты на уровне различных регионов.

ВНИМАНИЕ К МИТИНГАМ, ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТУЮЩИМ

Московские митинги в поддержку независимых кандидатов на выборах в Мосгордуму стали одним из главных событий лета. Согласно опросам «Левада-центра», 8% россиян в августе упоминали о митингах в ответах на открытый опрос о событиях, заслуживающих внимание (в столице — четверть опрошенных). По значимости это событие уступило лишь лесным пожарам и наводнению в Сибири, а также аварийной посадке самолета под Жуковским. В Москве митинги однозначно стали центральным событием лета. При этом осведомлены о московских протестах на конец лета оказались более 60% россиян и более 70% москвичей, из них 16% россиян и треть москвичей «внимательно следили, как развиваются события».

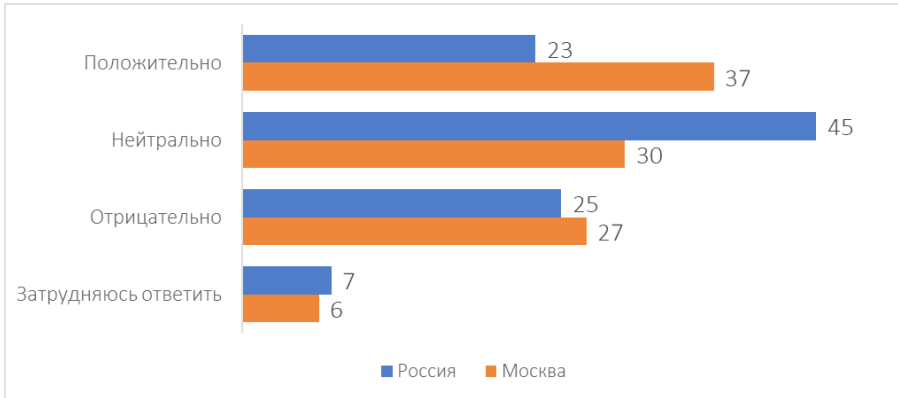
График 2. Осведомленность о московских протестах

Почти половина россиян относится к протестным акциям нейтрально или безразлично; остальные разделились поровну: 23% относятся положительно, 25% — отрицательно. В Москве симпатизирующих протестам оказалось больше — порядка 37% (согласно опросу, проведенному нами по заказу ФОРГО¹).

1 Подробнее о результатах этого опроса см.: Исследование «Левада-центра» по заказу ФОРГО. <http://civilfund.ru/mat/112>

График 3. Отношение к протестам

В опросных данных четко проступают три фактора, которые поляризовали опрошенных по отношению к московским протестам². С рядом оговорок можно сказать, что в своей оценке протестов мнение молодых людей оказалось противопоставлено мнению пожилых, мнение интернет-пользователей (тех, кто узнал о протестах через интернет-сайты, социальные сети и видеоблоги) — мнению телезрителей, мнение критиков власти — мнению ее сторонников. Первые сочувствуют протестующим, вторые преимущественно их осуждают, считают проплаченными, инспирированными Западом или неизвестными провокаторами. Эти разломы в общественном мнении проявлялись практически по в каждом вопросе. Можно предположить, что указанные группы россиян в дальнейшем будут все чаще расходиться в оценках и других событиях.

2 Подробнее об отношении россиян к московским протестам см.: Протестная активность, <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/>

Таблицы 1–2. Отношение к протестам в зависимости от различных факторов

	Всего	Внимательно следили за тем, как развиваются события	Следили по таким каналам как Первый, Россия-1 и тп	Следили по таким каналам как РБК, «Дождь»	Следили по социальным сетям	Следили по ютуб-каналам, видеоблогам
Положительно	23	47	16	36	33	39
Нейтрально, безразлично	45	18	43	42	44	40
Отрицательно	25	31	33	18	16	13
Затрудняюсь ответить	7	3	8	5	7	9

	Всего	Одобрят В. Путина	Не одобряют В. Путина	18-24 года	25-39 года	40-54 года	55 лет и старше
Положительно	23	13	44	28	23	23	21
Нейтрально, безразлично	45	48	38	53	53	50	34
Отрицательно	25	31	10	15	18	21	35
Затрудняюсь ответить	7	7	7	4	6	6	10

Большинство россиян, как это обычно бывает, объясняли мотивы протестующих исходя из собственного мироощущения, приписывая им свои страхи и заботы. Наиболее часто наши респонденты объясняли выход людей на улице в Москве тем, что они «недовольны положением дел в стране» и «недовольны политикой властей». И только самые информированные видели в протестах реакцию на отказ в регистрации независимых кандидатов и жестокие задержания митингующих.

График 4. Представления о мотивах протестующих

О вмешательстве Запада в избирательную кампанию говорили около четверти опрошенных, треть полагали, что эти обвинения — лишь попытка очернить участников протестов, еще 26% полагают, что даже если вмешательство и было, то вряд ли на что-то повлияло. Как уже упоминалось, больше всего о вмешательстве Запада говорили самые пожилые респонденты, зрители основных государственных телеканалов и сторонники нынешней власти. Молодые, пользователи социальных сетей и оппозиционно настроенные граждане скорее не разделяли этой позиции. На фокус-группах, которые мы с коллегами проводили в августе — сентябре в ряде российских городов, респонденты также называли протесты в Москве одним из главных событий последних недель. Для молодых участников фокус-групп отстранение независимых кандидатов от выборов стало лишним подтверждением того, что власти «не хотят никого к себе пускать», «думают только о себе», «честных выборов нет», «все решено заранее», а «людей считают второсортными». Характерно, что, согласно опросам, почти половина россиян считает, что московские власти не зарегистрировали кандидатов, потому что «испугались конкуренции с их стороны».

Таблицы 3–4. Мнение о том, почему московские власти не зарегистрировали независимых кандидатов

	Всего	Одобрят В. Путина	Не одобряют В. Путина	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше
Потому что независимые кандидаты не смогли собрать необходимое количество подписей	30	38	12	27	29	27	33
Потому что московские власти боятся конкуренции со стороны независимых политиков	45	34	69	53	47	50	37
Другое	3	4	2	1	2	2	5
Затрудняюсь ответить	22	24	18	19	22	21	25

	Всего	Внимательно следили за тем, как развиваются события	Следили по таким каналам, как Первый, Россия-1 и т.п.	Следили по таким каналам, как РБК, «Дождь»	Следили в социальных сетях	Следили по ютуб-каналам, видеоблогам
Потому что независимые кандидаты не смогли собрать необходимое количество подписей	30	31	36	28	22	22
Потому что московские власти боятся конкуренции со стороны независимых политиков	45	56	36	55	60	57
Другое	3	6	4	2	3	3
Затрудняюсь ответить	22	7	25	16	15	19

Жесткий разгон демонстрантов полицией оказал, может быть, даже большее влияние на общественное мнение, чем сами протесты; он произвел гнетущее впечатление даже на сторонников власти. Несколько раз в разных городах молодые участники фокус-групп вспоминали о случае с Дарьей Сосновской, которую при задержании полицейский ударил в живот. По опросам видно, что у многих людей, далеких от политики и не склонных сочувствовать оппозиционерам, принятые полицией меры создали ощущение, что в стране «что-то идет не так». Иными словами, история с летними протестами и их раз-

гоном стала этапом дальнейшего отчуждения от власти российского общества, в особенности его активной и молодой части.

Таблица 5. Оценка деятельности полиции при задержании участников митингов

	Страна в целом	Одобряют В. Путина	Не одобряют В. Путина	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше
Действовали адекватно, в рамках закона	32	41	12	25	27	31	38
Действовали жестко и необоснованно использовали силу	41	31	64	58	47	43	31
Затрудняюсь ответить	27	28	24	18	27	25	30

	Всего	Внимательно следили за тем, как развиваются события	Следили по таким каналам, как Первый, Россия-1 и т.п.	Следили по таким каналам, как РБК, «Дождь»	Следили в социальных сетях	Следили по ютуб-каналам, видеоблогам
Действовали адекватно, в рамках закона	32	36	42	22	22	16
Действовали жестко и необоснованно использовали силу	41	58	30	55	60	59
Затрудняюсь ответить	27	6	28	23	18	25

Московские митинги имели и другое последствие. Похоже, что они привели к появлению новых политиков федерального уровня. Имена Ильи Яшина, Любови Соболь теперь различимы в ответах на открытые вопросы о том, какие политики вызывают наибольшее доверие, какие общественные фигуры вдохновляют своим примером, какие политики имеют интересные идеи о развитии страны. Сегодня их называют 1–2% респондентов по стране в целом (по Москве до 5%). Для открытого вопроса в общероссийском исследовании это немало: Алексей Навальный в 2011–2012 годах имел сходные показатели. Этих политиков также иногда упоминают молодые участники фокус-групп в крупнейших российских городах в числе людей, за кем интересно следить.

Кирилл Рогов

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РАЗРЫВ: ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТАМ КАК ДОЛГОСРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Отношение к протестующим и преследующей их полиции серьезно изменилось даже по сравнению с недалеким 2017 годом. Гораздо более острая, чем прежде реакция общества на волну государственного насилия отражает изменения, характерные для более молодых возрастов (18–39 лет), и коррелирует с изменениями в структуре их источников информации.

Роль телевизора и доверие к нему падает во всех возрастах, но у более молодых когорт (до 40 лет) его доля в информационной картине сократилась до 25% (у самых молодых — до 15%), а доля социальных сетей и блогов достигла 35%. У наиболее старших возрастов доля телевизоров все еще находится на уровне 55%, а доля социальных сетей маргинальна.

Взрывной рост значимости соцсетей как источника информации, наблюдаемый в последние три года (на фоне увядания телевизора), не только стал причиной повышенной склонности россиян к протестам и мобилизации значительных общественных групп на почве неприятия государственного насилия, но, учитывая роль телевизора в мобилизации лояльности на протяжении последних двух десятилетий, формирует новый долгосрочный вызов стабильности политического режима.

На волну протестов против недопуска независимых кандидатов на московские выборы власти ответили мощной волной насилия и репрессий. Демонстративные избиения, тысячи задержанных, около полутора сотен арестованных (в том числе сами претенденты на участие в выборах), целая серия уголовных дел по разным статьям и 18 задержанных по ним, исчисляющиеся сотнями веерные обыски по всей стране (в связи с «делом ФБК»). Однако, в отличие от 2012 года, эта волна репрессий не свергла общество в ступор, а вызвала ответную волну мобилизации, включающую массовые уличные акции против политических репрессий (10 августа, 31 августа и 29 сентября), массовые пикетирования, посещение судебных заседаний, коллективные обращения и заявления различных профессиональных «корпораций», акции солидарности в сети и сетевые флэшмобы и т.д.

В результате власти были вынуждены ограничить размах репрессий. Ключевой их инструмент в 2012 году — обвинение по статье 212 (участие в массовых беспорядках) — был фактически выведен из игры. Задержанные отпущались из СИЗО под домашний арест и подписку о невыезде, уже назначенные сроки наказания некоторым обвиняемым пересматривались в сторону понижения, процессуальные действия по ряду расследований были приостановлены.

С одной стороны, уступки властей выглядят частичными и не столь уж неизбежными. С другой стороны, очевидно, что общественная атмосфера вокруг «государственного насилия» изменилась, и власти вынуждены реагировать на эти изменения. Как отмечает выше Денис Волков, «жесткий разгон демонстрантов полицией оказал, может быть, даже большее влияние на общественное мнение, чем сами протесты; он произвел гнетущее впечатление даже на сторонников власти» (см. материал «**Социология протеста...**»). И эта ситуация является новой для российской политической реальности: прежде правозащитная тематика вызывала сочувствие лишь очень ограниченных слоев «закоренелых» демократов, теперь же власти, пожалуй, впервые за последние годы столкнулись с ситуацией, когда применение репрессий ведет к издержкам, превосходящими выигрыш от их использования.

Это изменение в общественных настроениях вполне заметно при сравнении реакции общества на жесткие действия полиции в отношении протестующих нынешним летом и в 2017 году. Тогда массовые несогласованные акции против коррупции 24 марта и 12 июня 2017 года были жестоко разогнаны полицией. При этом общественное мнение оказалось скорее на стороне полиции: лишь 30% опрошенных сочли примененную силу неадекватной, а 40% — вполне соразмерной и законной. В 2019 году эти две цифры поменялись местами: теперь 40% по итогам акций 27 июля и 3 августа сочувствуют протестующим и осуждают полицию и лишь 30% ее оправдывают.

Анализ в разрезе демографических групп обнаруживает важные подробности этих изменений (таблица 1). В старших возрастах (55+) отношение к протестующим не изменилось: здесь 38–40% склонны оправдывать полицию и лишь около 30% сочувствуют противной стороне. А вот в молодых возрастах (18–39 лет), напротив, произошел решительный сдвиг: если в 2017 году 36–40% оправдывали полицию, а 26–28% сочувствовали протестующим, то теперь оправдывают полицию 25–27%, а сочувствуют протестующим 47–58%. То есть произошла возрастная поляризация, которая в 2017 году почти не просматривалась. Любопытно также, что в 2017 году жители Москвы склонны были даже в большей степени, чем россияне в среднем оправдывать полицию, теперь же их симпатии определенно сместились на сторону митингующих (50% опрошенных), как и симпатии жителей других крупных городов. (Дифференциация по уровню образования, несомненно, присутствует, но не столь ярко выражена как по возрасту.)

Таблица 1. Отношение к насилию в отношении протестующих со стороны полиции.

	Всего	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	Москва	более 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
Доля групп	100	9	30	25	36	23	20	24	25
Силловые структуры действовали на акциях протеста 26 марта (2017 г.) в Москве адекватно или превышали свои полномочия?									
Адекватно, в рамках полномочий	38	36	40	36	38	47	39	36	34
Превышали, необоснованно использовали силу	30	27	28	30	33	32	30	31	30
Затрудняюсь	33	37	32	34	30	22	31	33	37
СИЛЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТVOВАЛИ 12 ИЮНЯ (2017 г.) АДЕКВАТНО ИЛИ ПРЕВЫШАЛИ СВОИ ПОЛНОМОЧИЯ?									
Адекватно...	40	36	38	45	40	49	43	40	37
Превышали...	27	26	27	24	28	34	25	27	24
Затрудняюсь	33	38	35	31	32	17	33	33	40
НА АКЦИЯХ ПРОТЕСТА В МОСКВЕ 27 ИЮЛЯ И 3 АВГУСТА (2019 г.) ... КАК ДЕЙСТVOВАЛИ ПОЛИЦИЯ, ОМОН И РОСГВАРДИЯ?									
Адекватно...	32	25	27	31	38	35	31	35	26
Жестко, необоснованно использовали силу	41	58	47	43	31	50	45	36	40
Затрудняюсь	27	18	27	25	30	16	24	29	35

Источник данных: опросы в рамках исследования «Курьер», апрель 2017, июль 2017 и август 2019 г.

Схожую картину мы наблюдаем в данных сентябрьского опроса, выяснявшего отношение к уже вынесенным приговорам по так называемому «московскому делу» (таблица 2). Прежде всего бросается в глаза жестокость

«женщин»: лишь 33% из них считают эти приговоры несправедливыми и политически мотивированными, в то время как среди мужчин этой точки зрения придерживаются 43%. Среди более молодых (18–39 лет) более 43% считают приговоры несправедливыми и меньше 19% правильными, в старших возрастах эти две группы сближаются (33% и 29% соответственно).

Таблица 2. Отношение к приговорам, вынесенным в рамках «московского дела», %
 Ответы на вопрос «После массовых акций протеста в Москве, прошедших из-за недопуска кандидатов на выборы в Мосгордуму, суд приговорил несколько человек к тюремному заключению по обвинению в применении насилия к полиции. Как вы считаете, решение суда было...»

	Всего	муж.	жен.	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	Москва	города более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс. и село
Доля групп	100	45	55	9	30	25	36	9	23	20	9
Справедливым и беспристрастным	24	27	23	16	19	28	29	24	25	26	24
Несправедливым и политически мотивированным	38	43	33	45	43	37	31	52	42	36	33
Ничего не слышал(а) об этом	28	21	34	30	31	24	29	15	26	27	33

Источник: опрос «Левада-центра», исследование «Курьер», сентябрь 2019 г.

Как видим, помимо яркой поляризации молодых и старших возрастов, существует также значительный разрыв в гендерном разрезе и по типам населенного пункта (цветом выделены значения, отличающиеся от среднего на 4 и более процентных пунктов). В последнем случае на одном полюсе Москва и тяготеющие к ней крупные города, на другом — малые города и села. Причем, как легко заметить, доля лиц, считающих приговоры справедливыми в этих группах устойчива (около 25%), а вот доля считающих их несправедливыми сильно варьируется и прямо связана со степенью их информированности (долей ответов «ничего не слышал об этом»).

Гипотеза о связи отношения респондентов к протестующим и их преследованиям с характером и объемом доступной им информации о происходящем выглядит естественной (см. в материале «**Социология протеста...**»). В августовском вопросе об источниках информации, из которых респонденты узнали о московских протестах, 11 предложенных вариантов ответов группируются в несколько основных категорий: 1) центральные телеканалы, 2) традиционные и местные СМИ, включая газеты, радио и кабельные/частные телеканалы, 3) интернет-СМИ, 4) социальные сети и социальные медиа (в этом году, помимо собственно пункта «социальные сети», был добавлен пункт «ютуб-каналы, видеоблоги»), 5) друзья, родственники, знакомые. Даже беглого взгляда на данные (см. Приложение. Блок 1) достаточно, чтобы увидеть, что интересующие нас группы, обнаруживающие наибольшее расхождение в отношении к полицейским и судебным репрессиям, разительно отличаются по структуре своих информационных источников.

Причем, главным отличием является даже не традиционное противопоставление «интернет — телевизор», а доля в этой структуре новых социальных медиа — социальных сетей и блогов. В возрастной группе 18–39 лет доля упоминаний этого типа информационных источников составила 35% всех ответов, а вот в старших возрастных группах — 17%, причем, у людей 55+ доля упоминаний соцсетей падает до 10% от всех упоминаний (Приложение. Блок 1). И, наоборот: параллельно с падением доли социальных сетей и блогинга у более старших возрастов растет доля телевизора, которая все еще составляет 2/3 их информационной картины, в то время как у самых молодых групп она сократилась до 15%.

Итак, главной тенденцией последних 3–4 лет стало быстрое сокращение интереса и доверия к телевидению, место которого замещают как новостные интернет ресурсы, так и — что представляется особенно важным — новые «социальные медиа». Это хорошо видно в динамике ответов на вопрос об основных информационных источниках и степени доверия к ним (таблица 3). В то время, как телевизор пикировал с отметки 90-процентной упоминаемости в 2015 году, до 73% в 2018 году и 55% в 2019 году, упоминаемость социальных медиа выросла с 15% до 28% в 2018 году и 34% — в нынешнем. Параллельно росло доверие к соцсетям.

Таблица 3. Источники информации и доверие к ним

	2015-11	2016-07	2018-03	2018-08	2019-08
Откуда узнаете о событиях в стране и в мире					Откуда узнали о протестах
Телевидение	90	86	85	73	55
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	24	33	27	37	28
Социальные сети (+ видео-блоги)	15	23	21	28	34
Друзья, родные, соседи	25	27	27	18	11
Радио, газеты и др.	38	42	29	29	20
Каким источникам информации доверяете					
Телевидение	41	59	51	49	
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	18	20	19	13	
Социальные сети	9	12	15	24	
Друзья, родные, соседи	19	12	19	15	
Радио, газеты и др.	36	18	17	17	

Источник: опросы «Левада-центра», исследование «Курьер», ноябрь 2015, июль 2016, март 2018, август 2018, август 2019 годов.

При том, что интенсивный процесс замещения телевизора и традиционных офф-лайн медиа информационными интернет-ресурсами, и в особенности социальными медиа, происходит во всех возрастных группах, различие в скорости и стартовой точке ведут к тому, что дифференциация «информационных карт» разных возрастов возрастает (таблица 4). Старшие возраста остаются «детьми телевизора» — его упоминают 75% респондентов (54% от общего числа упоминаний разных источников), а доля социальных медиа здесь маргинальна. Средние возраста в телевизоре стремительно разочаровываются (его упоминаемость падает за три года с 90 до 50%), однако он не замещается в сопоставимых объемах другими источниками (возможно, этот контингент снижает свою зависимость от соцсетей и мессенджеров, по-старинке считая ее не-solidной). В самом молодом возрасте (18–24 года) маргинализация телевизора — свершившийся факт: его упоминают 25%, а его доля в информационной картине сократилась до 15%, зато доля социальных медиа здесь приближается к 40% (их упоминают 60% респондентов). Но и следующий возраст 25–39 лет (это 30% населения) стремительно приближается к «молодежной» модели потребления информации: хотя доля телевизора здесь еще существенна (25%),

доля социальных медиа уже почти как у юных — 34% (55% респондентов упомянули их).

Таблица 4. Динамика упоминаемости различных источников информации в возрастных группах

	2016-07	2018-08	2019-08
18-24 года			
1. Телевидение	74	49	25
6. Интернет-издания	46	54	47
7. Социальные сети	39	48	60
25-39 лет			
1. Телевидение	78	59	40
6. Интернет-издания	48	51	34
7. Социальные сети	34	42	55
40-54 лет			
1. Телевидение	92	75	52
6. Интернет-издания	36	41	34
7. Социальные сети	23	31	34
55 +			
1. Телевидение	95	89	75
6. Интернет-издания	12	18	15
7. Социальные сети	7	9	14

Источник: опросы «Левада-центра», исследование «Курьер», июль 2016, август 2018, август 2019 г.

Стремительный рост популярности именно социальных медиа как источника информации в последние полтора года фиксирует и августовский опрос ФОМ: доля упоминания соцсетей и мессенджеров как источников информации в общем числе упоминаний различных интернет-источников новостей выросла с 25% в январе 2018 года до 38% в августе 2019 года.

Таблица 5. Динамика упоминаний различных интернет источников новостей (опрос ФОМ, август 2019 года)

	январь 2018 года	январь 2019 года	август 2019 года
Читаю новости в поисковиках (Яндекс, Mail.ru, Рамблер, Google и т.д.) или перехожу через них по ссылкам	36	42	39
Читаю новости в социальных сетях, блогах, форумах (Twitter, Facebook, ВКонтакте, Одноклассники и т.д.) или перехожу через них по ссылкам	17	20	26
Читаю новостные интернет-ресурсы, интернет-СМИ	9	13	13
Читаю новости в мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber и т.д.)		8	8
Другое	2	2	3
Социальные медиа как доля от всех ответов	26	33	38

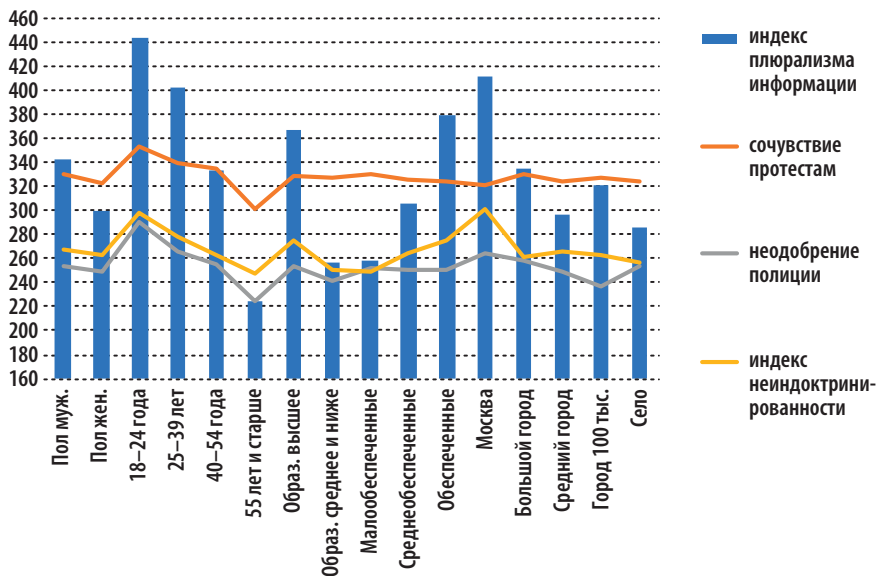
Источник: ФОМ. 19.09.2019. «СМИ: ТВ и интернет» (<https://fom.ru/SMI-i-internet/14258>)

Почему это так важно. Дело в том, что 4 основные группы источников информации, выделенные нами выше, отличаются по способу организации рынка, корпоративного управления и степени цензурируемости. Возглавляет рейтинг информационной закрытости (монополизма и подцензурности), разумеется, телевизор; группа традиционных офф-лайн медиа (радио, газеты, малые тв-каналы) включают как вполне лоялисткие СМИ, так и относительно или весьма независимые («Эхо Москвы», «Дождь», многие газеты и местные СМИ). В значительной мере люди обращаются к этому сектору ради доступа именно к этой информационной нише. Большинство интернет-изданий (во всяком случае массовых, за исключением «Медузы») являются частью тех или иных корпораций и подцензурны, их информационная политика регламентирована различного рода «двойными сплошными». Вместе с тем конкурентность информационной среды заставляет их реагировать на информационный запрос аудитории, и уровень информационного плюрализма здесь выше. А вот рынок и архитектура социальных медиа (сетей и блогинга) принципиально конкурентны, несмотря на наличие здесь разных идеологических ниш и запросов. Это самый высокий уровень информационной открытости.

Эта градация позволяет построить индексы информационной открытости для различных социально-демографических групп (в зависимости от долей упоминания того или иного типа источников информации). На данных августовского опроса «Левада-центра» мы также построили индекс уровня сочувствия протестам, индекс неодобрения полиции и индекс неиндоктринированности, то есть недоверия доктрине инспирированности протестов Западом (см. Приложение. Блок 2 и Блок 3). Эти индексы позволяют

наглядно оценить корреляцию композиции источников информации и текущих политических установок тех или иных групп, представленную на графике 1.

График 1. Корреляция индексов информационной открытости, сочувствия протестам, неодобрения полиции и неиндоктринированности

Источник: опрос «Левада-центра», исследование «Курьер», сентябрь 2019 г., расчеты автора.

Как и предполагалось, эта корреляция хорошо просматривается: люди, пользующиеся интернет-источниками, и в особенности социальными сетями, с большим сочувствием относятся к протестам, осуждают жестокость полиции и не верят во вмешательство Запада. Наиболее выраженной корреляция является именно с индексом неиндоктринированности (0,93), очень высокой она является и с уровнем неодобрения жестокости полиции (0,82) и гораздо меньше выражена связь с сочувствием самим протестам (0,65). Иными словами, первоначальная проблематика московских протестов (допуск независимых кандидатов на выборы) вызывает меньшее сочувствие, чем репрессивные политики властей в отношении протестующих и обосновывающие их доктрины «из телевизора» (особенно наглядно это как раз в случае Москвы). Более высокая доля телевизора и меньшая доля соцсетей в информационной картине хорошо объясняет репрессивный «консерватизм» женщин — они в среднем больше времени проводят у телевизора. Она проявляется не только в отноше-

нии к протестующим, но и по широкому кругу установок и оценок (в частности, в отношении к Владимиру Путину).

Но гораздо важнее общий вывод: в последние три года происходит достаточно быстрая утрата телевизором своих позиций, особенно заметная в относительно молодых возрастах (18–39 лет), и столь же быстрый рост информационного влияния «социальных медиа» — соцсетей и блогинга. По данным августовского опроса «Левада-центра», 37% всех упоминаний источников информации пришлось на телевизор, 23% — на социальные медиа, 19% — на информационные интернет-издания и 13% — на офф-лайн СМИ (радио, газеты, кабельное ТВ). В результате, младшие возраста оказываются, с одной стороны, мало достижимы для аргументаций официоза, обосновывающих необходимость полицейского насилия («угроза Майдана, инспирированного с Запада»), а с другой — захвачены потоком фото и видео свидетельств жестокости полиции, наполняющего соцсети.

Отмеченный здесь общий тренд объясняет и еще одну важнейшую особенность социальных настроений последних двух лет. Как не раз уже отмечали социологи, готовность людей к протестам резко повысилась в 2018 г. и остается на высоком уровне, несмотря на то, что в целом социальные настроения не демонстрируют какого-то исключительного уровня «негатива». Этот сдвиг, однако, выглядит легко объяснимым в контексте роста значимости соцсетей и блогов в информационной картине: они не только снижают издержки организации протестов, но и резко повышают информированность о нем общества. Иными словами, рост готовности протестовать связан с тем, что место протеста в информационной картине россиян резко расширилось: растущая информированность о протестах резко повышает в их глазах их «нормальность» и действенность.

Так или иначе, изменение отношения россиян к протесту и государственно-му насилию, направленному против протестующих, проявившее себя в московском протестном ралли лета 2019 года, выглядит как отражение важнейшего тренда — сокращение влияния телевидения и рост информационного влияния социальных медиа. Учитывая ту роль, которую играл телевизор в мобилизации лояльности режиму на протяжении последних двух десятилетий, можно говорить о том, что политический режим столкнулся с новым стратегическим вызовом, не менее значимым по своей силе и возможным последствиям, чем долгосрочная экономическая стагнация. Речь идет о, по крайней мере частичной, постепенной утрате «идеологического контроля» над значительными и активными группами населения. И именно от того, будет ли найден адекватный ответ на этот вызов, во многом будет зависеть политическая динамика ближайших лет. Это и есть, по нашему мнению, один из важнейших итогов протестного лета 2019 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

	Всего	пол		возраст				образование		потребительский статус			размер населенного пункта				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее и ниже среднего	Едва хватает на еду	Хватает на одежду	Можем ТДП	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
доли групп		0,45	0,55	0,09	0,30	0,25	0,36	0,30	0,24	0,20	0,48	0,31	0,09	0,24	0,20	0,23	0,25
БЛОК 1. Источники информации																	
1. ОТКУДА ВЫ УЗНАЛИ О МОСКОВСКИХ ПРОТЕСТАХ? (% от тех, кто знает о них)																	
Крупные телеканалы*	55	50	60	25	40	52	75	51	59	67	54	49	48	50	54	61	59
Новостные сайты в Интернете	28	32	24	47	34	34	15	33	20	14	27	37	36	30	26	26	27
Социальные сети	23	23	22	44	34	23	10	28	20	18	22	27	23	25	21	27	18
Ютуб-каналы, видеоблоги	12	15	9	16	21	11	4	15	9	8	10	16	22	13	9	10	8
Семья, друзья, соседи	11	8	13	12	9	12	10	11	7	11	10	11	20	9	15	9	6
Радио	7	7	6	5	6	6	8	8	3	7	6	7	21	7	5	3	5
Местные СМИ	5	6	5	6	6	4	5	4	6	6	5	6	4	7	8	3	5
Небольшие частные/кабельные телеканалы**	4	4	3	0	4	4	3	5	4	3	5	3	2	3	3	4	5

	Всего	пол		возраст				образование		потребительский статус			размер населенного пункта				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее и ниже среднего	Едва хватает на еду	Хватает на одежду	Можем ТДП	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
доли групп		0,45	0,55	0,09	0,30	0,25	0,36	0,30	0,24	0,20	0,48	0,31	0,09	0,24	0,20	0,23	0,25
Газеты	3	3	4	2	1	4	5	2	4	5	3	3	9	2	3	3	4
Другое	0	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0	1	1	0
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	3	0	2	1	4	2	2	1	0	3	0	0	4
2. ОТКУДА ВЫ УЗНАЛИ О ПРОТЕСТАХ: ГРУППИРОВКА ИСТОЧНИКОВ																	
Крупные телеканалы	55		60	25	40	52	75	51	59	67	54	49	48	50	54	61	59
Новостные сайты в интернете	28		24	47	34	34	15	33	20	14	27	37	36	30	26	26	27
Соцсети, ютьюб, блоги	34		31	60	55	34	14	43	29	26	32	43	44	38	30	37	27
Радио, небольшие ТВ-каналы, газеты, местные СМИ	19		18	14	18	18	22	19	16	20	18	20	35	19	19	13	18
Семья, друзья, соседи	11		13	12	9	12	10	11	7	11	10	11	20	9	15	9	6

	Всего	пол		возраст				образование		потребительский статус			размер населенного пункта				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее и ниже среднего	Едва хватает на еду	Хватает на одежду	Можем ТДП	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
доли групп		0,45	0,55	0,09	0,30	0,25	0,36	0,30	0,24	0,20	0,48	0,31	0,09	0,24	0,20	0,23	0,25

3. ОТКУДА ВЫ УЗНАЛИ О ПРОТЕСТАХ: ДОЛЯ УПОМИНАНИЙ ИСТОЧНИКА В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ ОТВЕТОВ

Крупные телеканалы	37		41	16	25	35	55	33	45	49	38	30	26	34	38	42	43
Новостные сайты в интернете	19		16	29	22	23	11	21	15	10	19	23	19	20	18	18	19
Соцсети, ютьюб, блоги	23		21	38	35	23	10	27	22	19	23	27	24	26	21	25	19
Радио, небольшие ТВ-каналы, газеты, местные СМИ	13		13	9	11	12	16	12	12	15	13	12	19	13	13	9	13
Семья, друзья, соседи	7		9	8	6	8	8	7	5	8	7	7	11	6	10	6	5

БЛОК 2. ОТНОШЕНИЕ К ПРОТЕСТАМ

1. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ЭТИМ ПРОТЕСТНЫМ АКЦИЯМ?

Положительно	23		19	28	23	23	21	25	22	26	21	23	24	24	23	24	21
Нейтрально, безразлично	45		48	53	53	50	34	44	45	41	47	44	43	45	46	44	46
Отрицательно	25		24	15	18	21	35	26	22	23	25	26	30	23	28	24	24
Затрудняюсь ответить	7		9	4	6	6	10	5	12	9	7	7	3	8	3	8	10

	Всего	пол		возраст				образование		потребительский статус			размер населенного пункта				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее и ниже среднего	Едва хватает на еду	Хватает на одежду	Можем ТДП	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
доли групп		0,45	0,55	0,09	0,30	0,25	0,36	0,30	0,24	0,20	0,48	0,31	0,09	0,24	0,20	0,23	0,25
2. НА АКЦИЯХ ПРОТЕСТА В МОСКВЕ БЫЛО ЗАДЕРЖАНО БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ. КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДЕЙСТVOВАЛИ ПОЛИЦИЯ, ОМОН И РОСГВАРДИЯ ...?																	
адекватно, в рамках закона	32			25	27	31	38	35	28	30	31	34	35	31	35	35	26
жестко, необоснованно использовали силу	41			58	47	43	31	44	35	41	41	42	50	45	42	36	40
затрудняюсь ответить	27			18	27	25	30	21	36	30	28	24	16	24	24	29	35
3. НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЗАПАДА В ПРЕДВЫБОРНУЮ КАМПАНИЮ?																	
1. Вмешательство Запада — одна из главных причин протестных акций в Москве	26					30	32	25	28	31	25	23	21	27	28	26	25
2. Даже если попытки вмешательства были, вряд ли это на что-то повлияло	26					26	21	29	19	22	26	28	28	26	36	26	17
3. Никакого вмешательства Запада в московские выборы нет, это попытка очернить участников протестов	32					33	29	36	29	28	32	35	47	31	29	32	32
9. затрудняюсь ответить	16					11	18	10	24	18	17	14	4	16	8	17	27

	Всего	пол		возраст				образование		потребительский статус			размер населенного пункта				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 года	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее и ниже среднего	Едва хватает на еду	Хватает на одежду	Можем ТДП	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
доли групп		0,45	0,55	0,09	0,30	0,25	0,36	0,30	0,24	0,20	0,48	0,31	0,09	0,24	0,20	0,23	0,25
БЛОК 3. ИНДЕКСЫ																	
индекс плюрализма информации	321				403	333	224	367	257	258	306	380	411				
сочувствие протестам	223				218	222	228	232	214	227	221	226	235	223	230	223	215
неодобрение полиции	210				200	212	216	227	184	199	208	220	238	215	222	214	182
индекс не-индоктринированности	245				240	261	238	264	219	239	243	252	269	248	284	244	205

* такие как «Первый», «Россия-1», «Россия-24», «НТВ»

**такие как РБК, «Дождь»

Опрос «Левада-центра» по репрезентативной выборке населения России, 1608 человек в возрасте 18 лет и старше, проведен с 22 по 28 августа 2019 года.

Расчеты автора

Кирилл Рогов

«УМНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ»: СТРАТЕГИЯ, КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Стратегия «умного голосования», предложенная Алексеем Навальным, позволяет консолидировать голоса «экономического протеста», достигающиеся обычно КПРФ или ЛДПР, и «демократического протеста», характерного преимущественно для крупных городов, подрывая таким образом доминирование «партии власти» на электоральном поле. Возникающая в результате угроза лишиться большинства, девальвирует выигрши власти от недопуска демократических кандидатов.

По сравнению с результатами 2014 года, общий вклад протестной мобилизации 2019 года в Москве составил около 270 тыс. голосов. Однако определить, какая доля этой мобилизации была непосредственно связана с инициативой А. Навального, не представляется возможным. Можно предположить, что это было около 200 тыс. голосов. При оценке этого вклада необходимо иметь в виду как краткость агитационной кампании (две недели), так и в целом низкий интерес москвичей к выборам в Мосгордуму (явка 22%).

На московских выборах задача-максимум не была достигнута: кандидаты «умного голосования» фактически выиграли лишь 18 округов (40%) и не лишили «фракцию мэрии» даже формального большинства. Однако сумели нанести ей существенный символический урон. Это продемонстрировало и избирателям, и администрации потенциал данной стратегии, и может стать аргументом против намерения властей и дальше увеличивать долю одномандатников, в том числе на думских выборах 2021 года. В случае всплеска «экономического протеста» кумулятивный эффект «умного голосования», суммирующего голоса экономического и политического протеста, способен нанести «партии власти» в мажоритарной системе сокрушительный урон, как это и показали выборы в Хабаровском крае.

«Умное голосование» стало четвертым этапом каскадной стратегии оппозиции на выборах в Мосгордуму после кампании по сбору подписей и регистрации независимых кандидатов в июне–июле и следовавшей за ней протестной

кампании «Допускай!» в июле-августе, переросшей в стихийную кампанию «Отпускай!».

Алексей Навальный вышел из-под ареста 23 августа и приступил к агитации и продвижению этой электоральной стратегии в соцсетях. То есть на всю кампанию у него было две недели, что, безусловно, необходимо учитывать при оценке ее результатов.

«Умное голосование», по сути, является формой протестного голосования, т.е. такого голосования, целью которого выступает не столько выигрыш, сколько проигрыш определенного кандидата или списка. В выборах по пропорциональной системе с доминирующим игроком задачей является лишение его большинства; в таком случае работает стратегия «голосуй за любую партию (кандидата), кроме...», использованная А. Навальным в 2011 году. Также работает протестное голосование при мажоритарной системе со вторым туром (на губернаторских выборах, например): в первом туре задачей является не дать набрать 50%. В мажоритарной системе без второго тура и во втором туре двухтуровых мажоритарных выборов стратегия меняется на противоположную: здесь необходимо, наоборот, сконцентрировать все протестные голоса в корзину одного, потенциально сильнейшего кандидата.

Агитируя за «умное голосование», Навальный и его соратники подчеркивали, что целью его является не столько поддержка идейно близких политиков, сколько выдавливание административных кандидатов, связанных с мэрией. Это означало, в частности, что даже при наличии относительно демократического кандидата «умное голосование» делало ставку на того, который выглядел сильнее и потенциально мог аккумулировать голоса недемократического «протестного» электората. То есть предполагалось, что среди административно мобилизованных контингентов, которые призваны обеспечить лояльное власти голосование, в условиях протестной волны будут перебежчики, которые вместе с традиционным электоратом коммунистов и мобилизованными «умным голосованием» демократами смогут победить административного кандидата. Это само по себе указывало на признание ограниченности собственного ресурса «демократов». В итоге 33 из 45 кандидатов «умного голосования» оказались представителями КПРФ.

Собственно, основной стратегемой «умного голосования» является объединение двух «протестных» контингентов, имеющих в России. Первый сфокусирован прежде всего на социально-экономической проблематике, и его протестность связана с неудовлетворенностью экономическим положением; второй, напротив, сфокусирован на политической проблематике (представительство, справедливость, правовая защищенность) и характерен для крупных городов. Первые, если приходят на выборы, то голосуют обычно за КПРФ и ЛДПР; их стихийная протестная мобилизация вызвала локальные кризисы на прошлогодних региональных выборах. Вторые (контингенты демократического протеста) обычно не имеют своих представителей на выборах, а по-

тому на них не ходят. Коварный план «умного голосования» состоял в том, чтобы призвать контингенты демократического протеста, после того, как их представители вновь не были допущены до выборов в Москве, идти голосовать за представителей «социального протеста». В идеале, объединение двух этих контингентов девальвирует выигрыш власти от недопуска представителей «демократического протеста» на выборы: вместо двух миноритарных фракций, способных блокироваться лишь по ограниченному набору вопросов, власть получает мажоритарную, лишаящую ее большинства и навязывающую ей свои повестки.

Кандидаты «умного голосования», как известно, победили в 20 округах из 45 (45%), и таким образом задача-максимум не была достигнута — мэрия не лишилась лояльного большинства в московской Думе. Однако оно нанесло мэрии серьезный символический урон. Общие итоги стратегии сложения двух протестов представлены в таблице 1. Явка в процентном отношении практически не изменилась в сравнении с 2014 годом, хотя в фактических цифрах в голосовании приняло участие почти на 40 тыс. человек больше (строка 2 таблицы). В 2014 году 28 кандидатов мэрии шли под брендом ЕР и еще 10 — как независимые, в 2019 году все кандидаты мэрии шли как независимые. Общее число голосов, поданных за эти списки, в 2019 году сократилось на 53 тыс. голосов и составило 33% от принявших участие. Общее число голосов за кандидатов «умного голосования» составило 586 тыс. (строка 7 таблицы). Однако против коммунистов Зюганова и Губенко, как и в прошлом году, мэрия не представляла своих представителей, это «договорные кандидаты», которые победили бы и без «умного голосования». Поэтому более точной оценкой голосования за «оппозицию» является цифра 548 412 голосов (8 строка, 34% от принявших участие в выборах).

Таблица 1. Выборы в московскую городскую Думу 2019 года, чел.

		Абсолютные значения, чел.			% от общего числа избирателей	
		2014	2019	разница	2014	2019
1	Всего избирателей	7 287 895	7 348 991			
2	Явка	1 556 350	1 595 808	+39 458	21,4	21,7
3	Голоса победителей	682 000	641 471	-40 529	9,4	8,7
4	Голоса «вторых»	323 772	488 457	+164 685	4,4	6,6
5	Голоса ЕР и кандидатов мэрии*	585 213	531 750	-53 463	8,0	7,2
6	Прочие голоса	959 993	1 064 058	+104 065	13,2	14,5
7	Умное голосование		586 276			8,0
8	Умное голосование**	260239	548 412			7,5

* В 2014 году — 38 округов, в 2019 году — 43 округа.

**В 2014 году — голоса, поданные за «вторых» в 39 округах, в 2019 году — голоса «списка Навального» без голосов Н. Губенко и Л. Зюганова.

Источник: данные МГИК, расчеты автора

Как уже было сказано, стратегия этого типа протестного голосования состоит в том, чтобы максимально сконцентрировать протестные голоса в корзине сильнейшего оппонента основного претендента. Результаты ее видны в строках 3 и 4 таблицы: количество голосов победителей в 2019 году сократилось, а количество голосов за «вторых» выросло в полтора раза. Это — результат концентрации.

Из-за разницы количества округов, в которых разворачивалось противостояние, мы не можем выяснить из этих данных прирост протестных голосов в 2019 году. Однако более ясной становится картина произошедшего, если мы рассмотрим модель отдельного усредненного округа (таблица 2). На выборах 2014 года в 38 округах кандидату мэрии противостоял некий «оппозиционер», занявший в результате второе место. В среднем таком округе голосовало около 33 700 человек, в среднем 15 400 проголосовали за победителя – кандидата мэрии, а 6 850 человек — за его наиболее сильного соперника, занявшего второе место. Это сценарий неумного голосования: около 12 тыс. голосов в каждом округе были «распылены», что позволило административным кандидатам уверенно выигрывать. В 2019 году в результате роста социального протеста (предполагаемого) и призывов Навального усредненный победитель получил 14 тыс. голосов, а усредненный «второй» — 11 тыс. То есть неудачливый оппозиционер из 2014 года в 2019 году либо прибавил 4 200 голосов и не про-

шел в Думу (это произошло в 25 случаях, как мы знаем), либо прибавил 7 200 голосов и победил кандидата мэрии (таких случаев было 18). В результате мы получаем расчетную цифру вклада «протестного голосования» в 2019 году. – 235 тыс. голосов с небольшим.

Таблица 2. Протестное голосование в 2014 и 2019 годах

	2014	2019	Расчетный вклад протестного голосования 2019 г.			Фактические «протестные» голоса в 43 округах
			В среднем на участок	Прибавка в среднем по округу	Прибавка по 43 округам	
Участвовали	33 695	35 463				
Победители	15 400	14 037	7 188	129 384	252666	264 030
Вторые места	6849	11 078	4 229	105 725	276950	284 392
Итого				235 109	529616	548 422

Однако общее число голосов, поданных за неадминистративных кандидатов в 43 округах, составляет в этой модели 529 616. Между тем, как в реальности оно составило более 548 тыс. (строка 8 таблицы 1). Природа этого расхождения легко выясняется и эмпирически подтверждается: за кандидата «умного голосования» и победившего, и не победившего в среднем голосовало больше людей, чем за кандидата мэрии — 14667 и 11376 человек соответственно. Этого не учитывает модель со средними данными, и именно это обстоятельство дает протестному голосованию в 2019 году дополнительные 18 806 голосов.

Мы также исключили прежде из подсчетов голоса коммунистов Зюганова и Губенко. Однако в 2019 году они, включенные формально в список «умного голосования», получили почти на 15 тыс. голосов больше, чем в 2014 году. И эта прибавка должна быть учтена. Наконец, в 30-м округе второе место занял Роман Юнеман, а кандидат умного голосования Владислав Жуковский получил на 1200 голосов меньше. В результате, получаем цифру 267 500 человек общей прибавки протестных голосов в 2019 году, что составляет 17% от принявших участие в голосовании или 3,6% от общего числа избирателей (таблица 3).

Таблица 3. Общий прирост «протестных» голосов в 2019 году по сравнению с 2014 годом

	Человек
Расчетный вклад протестного голосования	235 109
Фактическое расхождение	18 806
Добавочные голоса за Зюганова и Губенко	14 805
Отрицательный вклад В. Жуковского	–1 215
ИТОГО	267 505

Сразу скажем, у нас нет никаких правдоподобных моделей, позволяющих определить, сколько из 260 тыс. человек действовали по призыву Навального, а сколько выразили свой социальный протест, голосуя против кандидата мэрии по другим соображениям. В целом по регионам, где в 2019 году прошли выборы в региональные законодательные собрания (по пропорциональной системе), результат КПРФ по сравнению с 2014 годом увеличился с 9,5% до 15,5%, ЛДПР — с 6,8% до 14,9%, а «Справедливой России» — с 4,7% до 6,3%. Совокупный же результат «системной оппозиции» вырос с 20,9% до 36,7%. Однако эту динамику нельзя экстраполировать на столь специфический регион, как Москва, да к тому же на выборы, проходившие по мажоритарной системе.

Более того, среди факторов, влиявших на результаты голосования, помимо «партийности» (наличие устойчивых электоратов у КПРФ или «Яблока»), вклада социального протестного голосования и демократического протестного голосования (фактор Навального), важную роль в московских выборах играл такой фактор как «локальный активизм». Кандидаты, погруженные в локальные повестки округа и расположенных на его территории муниципалитетов, участвовавшие в местных кампаниях, собиравшие подписи получали существенную прибавку голосов. Вычленив вклад «умного голосования» в этой композиции факторов на имеющихся данных не представляется возможным.

В любом случае у нас есть верхняя граница (267 тыс. чел.), и интуитивно можно предположить, что реальный вклад «умного голосования» составлял около 200 тыс. человек. При этом стоит иметь в виду, во-первых, в целом низкий интерес к выборам в региональный парламент (на мэрские или федеральные думские выборы приходит в 1,5–2 раза больше избирателей), а, во-вторых, краткость агитационной кампании.

Системный же эффект эксперимента заключается в том, что он дает оппозиции инструмент борьбы с административными кандидатами в мажоритарных округах и является своего рода репетицией, особенно актуальной в контексте

обсуждаемого сценария дальнейшего увеличения доли «одномандатников» на предстоящих выборах в Государственную Думу. В этот раз и новизна этого типа тактического голосования для избирателя, и отсутствие существенного повода для «экономического протеста» не позволили выполнить задачу-максимум — лишить мэрию большинства в Мосгордуме. Однако в целом и у избирателей, и у властей сложилось впечатление, что «это ружье стреляет». Особенно опасным оно становится, если возникает кумулятивный эффект роста всплеска обоих типов протестного голосования — экономического и «демократического». Как это известно из опыта коммунистической партии в Польше в 1989 году и как это видно на примере состоявшихся 8 сентября 2019 года выборов в Хабаровском крае, при серьезном всплеске недовольства именно тактическое голосование в мажоритарной системе может вести к внезапному поражению правящей партии.

ДИСКУССИЯ. ПРОТЕСТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ*

Татьяна Ворожейкина:

**«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАСКОЛА ЭЛИТ БЕЗ ДАВЛЕНИЯ
СНИЗУ, НО И УЛИЧНОЕ ДАВЛЕНИЕ САМО ПО СЕБЕ НЕ
ПРИВЕДЕТ К ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМА»**

Летние протесты 2019 года — очень важный шаг в самоорганизации общества в России, в обретении им исторической субъектности, преодолении того положения, при котором власть, говоря словами Ю.А. Левады, при всех превратностях российской истории неизменно оставалось осевым общественным институтом. Сейчас мы видим, как общество самоорганизуется. Повод для протестной самоорганизации, также как и в 2011–2012 годах, — политический. Это очередной подлог на выборах. Только это не фальсификация результата, как в 2011 году, а отстранение от участия в них независимых кандидатов. Я здесь процитирую Кирилла Рогова: авторитарные режимы фальсифицируют выборы дважды — сначала через систему допуска кандидатов, а затем с помощью фальсификации итогов голосования.

Тезис о самоорганизации — это позитивный тезис. Но теперь я хочу его несколько подвергнуть сомнению. В какой мере мы можем говорить действительно о самоорганизации? Наиболее массово люди выходят по призыву Алексея Навального. Когда Навальный молчит, то выходит существенно меньше людей. Скажем, 27 июля и 3 августа было много народу, а 31 августа было существенно меньше. Каким образом это связано с тем, что Навальный в этот раз молчал?

Как и в 2011–2012 годах, протест сначала выглядит преимущественно как политический (против недопуска кандидатов на выборы), а затем все более становится протестом моральным — против несправедливости, репрессий, в защиту прав и достоинства. Но, в отличие от прошлого, у нынешнего протеста есть подспудная, а, может, и явная социальная составляющая. Я просто перечислю: экологические проблемы (в первую очередь мусорные свалки), про-

* По материалам круглого стола, состоявшегося в «Мемориале» 5 сентября 2019 г.

должающееся падение уровня жизни, сокращение доходов, очевидный рост потребительских цен, повышение пенсионного возраста, рост тарифов ЖКХ, постоянное ухудшение качества медицинского обслуживания в результате оптимизации. Все это происходит на фоне неприкрытой и часто демонстративной коррупции. В Москве именно это сочетание породило конфликт вокруг выборов в городскую Думу, вокруг распределения огромного городского бюджета и очевидной диспропорции между коррупционными статьями (плитка, бордюр, городское благоустройство в целом) и социальными статьями (здравоохранением, в первую очередь).

Конечно, политический конфликт между независимыми кандидатами и поддерживающими их гражданами, с одной стороны, и московской мэрией и администрацией президента с другой, не сводится только к контролю над городским бюджетом. Власть — и городская, и федеральная — справедливо видит в усилении независимых кандидатов угрозу для собственной монополии на власть. Но в системе, где власть и собственность едины, это одновременно и угроза монополии на контроль над собственностью. Поэтому, на мой взгляд, не правы те, кто считает Московскую городскую Думу лишь малозначимым предложением. Это ключевая, существенная часть системы единства власти и собственности. Отсюда абсолютно бессовестное поведение московских и федеральных (в лице ЦИКа и Эллы Панфиловой) властей по отстранению независимых кандидатов от выборов.

Общество, прежде всего — городская молодежь, студенты, но не только они, продемонстрировало способность к нарастающему коллективному действию в условиях ареста практически всех лидеров. Однако ответственность за коллективное действие остается сугубо индивидуальной. Люди, обвиняемые в административных правонарушениях по фальсифицированному уголовному делу «о массовых беспорядках» и нападениях на полицию, и их адвокаты вынуждены отстаивать невиновность в рамках навязанных обществу неправовых правил игры. Речь идет не только о нарушении 31 статьи Конституции, но и (опять же процитирую Кирилла Рогова) о безусловном абсолютном характере права на мирный процесс.

Так вот, защищаясь индивидуально, мы вынуждены принимать эти антиконституционные правила игры и тем самым прямо или косвенно признавать несуществующую вину. Журналисты, задержанные на так называемых «несогласованных» акциях, говорят: «мы журналисты, у нас редакционное задание, нас нельзя задерживать». Следовательно, остальных задерживать можно. «Меня задержали случайно. Я не участвовал в протестной акции, просто проходил мимо». Это чистая правда. Но это значит, что неслучайного участника защиты конституционных прав задерживать можно. Или: «у моего подзащитного старая мать, у него маленькие дети» и т.д. Иначе говоря, мы подспудно, защищаясь индивидуально, признаем право власти наказывать за защиту абсолютно и конституционного права на мирный протест и ищем лазейки для смягче-

ния или обхода наказания. Та же самая логика действует (из лучших побуждений) в связи с уголовным делом «о массовых беспорядках». Глубоко уважаемый мною Дмитрий Муратов говорит, что на снимках корреспондентов «Новой газеты» видно, что не Егор Жуков, а другой человек показывает руками направление движения протестующим. А если бы это был Егор Жуков, в чем преступление?

Я не призываю отказаться от попыток спасения отдельных людей, я просто хочу обратить внимание на изнанку, побочные следствия такого рода стратегий, которые вольно или невольно ведут к легитимации авторитарной власти и ее репрессивных антиконституционных практик. Что делать? Как сопротивляться коллективно?

И последнее, о чем кажется важным сказать, — о перспективе и роли уличных протестов в возможной трансформации политического режима. Я всегда активно выступала против идеи так называемого «пакта элит» в ее российской интерпретации. Она подразумевает весьма распространенное в российской либеральной среде представление о том, что политические изменения в России могут произойти только сверху в результате договоренности между различными секторами правящих и господствующих групп. Поскольку я занимаюсь странами, на опыт которых обычно ссылаются в этом случае (Испания и Бразилия), я должна заметить, что, напротив, раскол в элитах там стал следствием мощного и нарастающего давления снизу – как политического, то есть движения за демократию и гражданские права, так и социального, что очень важно (против неравенства, за достойный уровень зарплат и пенсий, право на забастовки).

Если под этим углом зрения смотреть на события нынешнего лета, то мы пока не видим признаков раскола в так называемых элитах. Если не принимать во внимание странного заявления главы «Ростеха» Сергея Чемезова и твит Алексея Кудрина о беспрецедентном применении насилия к протестующим, так называемые системные либералы хранят молчание. Между тем очевидно, что без раскола в правящих группах репрессивный авторитарный режим трансформироваться не может.

Иначе говоря, не может быть раскола элит без нарастающего давления общества, но и уличное давление само по себе не может привести к трансформации и разрушению такого режима. В авторитарных режимах мафиозного типа (я согласна с определением Балинта Мадьяра) вся верхушка, как правило, оказывается плотно повязана преступлениями и коррупцией. Я сошлюсь на опыт страны, который у всех перед глазами. В 2017–2019 годах сотни тысяч людей месяцами выходили на улицы основных городов Венесуэлы, но раскола в верхах так и не произошло, и власть устояла.

Что делать в этой ситуации? Какой должна быть стратегия протестного движения, чтобы удержать волну и добиться начала изменений? Или они опять же произойдут в виде обрушения государства? Я всегда слово «государство» по отношению к России произношу с большим трудом: на мой взгляд, это очевид-

ная система частной власти, это не публичная власть. Соответственно, эта власть обрушивается, как она обрушилась в 1917 и в 1991 годах с тем, чтобы потом тот же тип власти, ее отношения к собственности и к обществу регенерировался по тем же лекалам, и страна опять вернулась к движению по кругу, теряя историческое время.

Григорий Юдин:

КРИЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Первое и, конечно, самое главное: необходимо сказать, что нынешний кризис — это кризис репрезентации, который сейчас наличествует в России. Причем кризис репрезентации — это не просто ситуация, когда люди, заседающие в представительных органах, не представляют население, а ситуация, когда население начинает по этому поводу напрягаться и переживать. Это ровно та ситуация, которую мы имеем сегодня.

В Москве этот кризис наиболее очевиден. Партия «Единая Россия» не имеет здесь серьезной поддержки, при этом она упорно и настойчиво хочет иметь 85-90% голосов в региональном парламенте. Пока этого никто не замечает, это может проходить, но если на это начинают обращать внимание, то это сразу превращается в болезненную точку.

Параллельно в Москве возникают тенденции, которые наиболее ярко отражают кризис репрезентации и которые связаны с запросом на самоуправление. Нынешняя администрация делает много чего прогрессивного в городе, но она делает это самовольно и самодумно. И в Москве есть группы (мне сложно оценить их размеры), которые по этому поводу все время возмущаются и плохо на это реагируют. Им не очень хочется, чтобы делали добро дубиной.

Параллельно с этим в Москве появились сильные муниципальные политики. Это отдельная важная история. Это происходит не в каждом округе. Но там, где это случается, как мы увидели, у них есть реальный потенциал мобилизации.

В этой ситуации мэрия могла действовать по-другому. Она могла решить ту задачу, которую ей нужно было решить, поставив в 10–12 округах людей, которых легко кооптировать. Она решила этого не делать и создала идеальные условия для оппозиции, чтобы рекрутировать большое число сторонников. Потому что очень легко дискредитировать человека, который собрал 15 подписей, он никто. Но человека, который собрал 5000 подписей, дискредитировать сложно. Поэтому это был отдельный удар по самим себе. За счет отказа мэрии от всякой кооптации выстроилась демократическая коалиция. Я согласен, что эта коалиция не заработала на полный потенциал, в частности, у нее есть довольно сильная социальная повестка, которая не была заявлена.

Собственно кризис, который мы видели, был связан с тем, что произошел перехват управления кампанией силовыми структурами под обещания ре-

шить возникшую проблему. Но есть ощущение, что уж больно много проблем было порождено по ходу и что это все неудачно решалось. Основная ставка была на деморализацию, на то, что, как только в повестке появляются суды, репрессии, тюрьмы, адвокаты и т.д., это немедленно деморализует людей, что они вынуждены будут ходить по судам вместо того, чтобы сконцентрироваться на электоральной мобилизации. Но это не сработало. Вместо этого мы увидели дополнительную мобилизацию.

Параллельно произошло формирование нескольких довольно мощных сообществ, начали политизироваться неполитические вещи. Классический случай, конечно, — это Валерия Касамара, которая была полностью уверена, что когда она выдвигается от Высшей школы экономики в Думу и заявляет, что она кандидат от университета, то это никакая не политика. Теперь мы увидели, что это политика. Это оказалось политизированной сферой. Можно говорить еще об одной важной вещи — ситуативной смычке оппозиции, между КПРФ и людьми, которые находятся вне парламента. Это видно по нескольким московским округам, потому что там уже просто соглашение достигнуто. Это видно по Санкт-Петербургу. Для администраторов это, конечно, очень опасная ситуация.

Коллеги уже сказали про самые главные долгосрочные последствия: это перелом в пропаганде. Основной разлом по возрасту и по каналам коммуникации. Это значит, что стандартный пропагандистский механизм не срабатывает. Рассказать, что это все было из-за рубежа, собрать Совет Федерации, который все это повторит, и этого будет достаточно, чтобы продать стране историю про очередные инспирированные из-за рубежа беспорядки, не получилось. Чтобы такая вещь сработала и позволила легитимировать дело о массовых беспорядках, это должна была быть сильная пропагандистская кампания. В этот раз протесты не удалось как-то удобно упаковать, как в 2012 году, когда хорошо сработало противопоставление «Москва — провинция».

Как бы это все ни закончилось в нынешнем цикле, кризис репрезентации никуда не денется. Это системная проблема. Вопрос в том, удастся ли это показать прямо сейчас.

Лев Гудков: ПРОТЕСТЫ РУТИНИЗИРУЮТСЯ И СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ СИСТЕМЫ

Мой первый тезис состоит в том, что мы имеем дело с рутинизацией протестов. Протесты становятся нормой общественной жизни, как и полицейский произвол, и неправоуое насилие в отношении протестующих. Это симптом хронических дисфункций системы. По большому счету, эти явления нелепо принимать за признаки изменений, хотя временами в подобных акциях участвуют десятки тысяч человек. Для Москвы, где это заметнее, чем где-либо, это менее одного процента взрослого населения мегаполиса.

Но дело не в количестве участников, а в их социальной дееспособности. Об изменениях можно было бы говорить, если бы мы имели дело с появлением независимых и устойчивых общественных образований — социальных организаций или хотя бы массовых общественных движений, то есть с процессами институционализации, структурной и функциональной дифференциации социальной системы. Этого пока нет.

Моральная волна, подъем массового негодования из-за административно-го произвола и насилия — очень важная вещь, и с ней надо разбираться отдельно. Но с чем я не согласен — так это с тезисом, что протесты — это показатели самоорганизации общества. Как раз никаких устойчивых форм самоорганизации нет. Мы имеем дело со спорадически возникающими реакциями на какие-то возмущающие людей события, что, в свою очередь, можно рассматривать как проявления накопленного диффузного раздражения, недовольства системой.

В 2011–2012 годах на волне ожиданий радикальных политических изменений нас критиковали за то, что социологи не предугадали, не спрогнозировали всплеск массовых протестов. На самом деле мы указывали на рост аморфного общественного напряжения, но в тот момент, как и сегодня, нельзя было дать оценку, во что оно выльется, поскольку не было структур, которые могли бы придать форму и вектор социальному недовольству. Выявилась не только слабость оппозиции, но и глупость, демагогия наших доморощенных политологов и социальных аналитиков, твердящих «улица теперь скажет свое слово». Накопившееся социальное раздражение, с одной стороны, вылилось в рост ксенофобии, (если помните, все началось с «Манежки», а еще раньше — Кондопога и другие погромные эксцессы), а с другой стороны, в серию демонстраций собственного достоинства и морального несогласия с путинским режимом, неприятия рокировки, фальсификаций выборов, коррупции.

Я говорил тогда, что неспособность к организации, склока и разборки среди оппозиции — дурной знак. Моральный протест не трансформируется в систему общественной организации, в повседневную партийную или активист-

скую, общественную работу. И что это крайне опасная ситуация, которая грозит тем, что очень быстро наступит разочарование, деморализация. Что и последовало. «Крым» расколол это протестное множество, и большая часть из тех, кто поддерживал протесты, присоединилась к Путину, получив компенсацию своему недовольству. Тем самым через имперский патриотизм все это раздражение было снято. Сегодня мы имеем дело примерно с такой же ситуацией.

Протесты становятся регулярными, они криминализируются, выработана целая система полицейских и юридических практик, которые позволяют режиму сдерживать, дробить и частично управлять этим процессом. Иногда власти уступают по мелочам массовому недовольству, как это было с Иваном Голуновым и в других случаях, но никаких принципиальных последствий для репрессивных институтов это не имеет — ни в правоприменительной практике, ни в самой структуре судов, выносящих неправовые приговоры, ни даже в наказании виновных за фальсификацию уголовных дел и демонстративное игнорирование конституционных норм.

Признаком серьезных изменений, если говорить о становлении гражданского общества, была бы систематическая, повседневная партийная или общественная коммуникативная работа по репрезентации групповых интересов и консолидации общества, а не только хроника фиксаций произвола полиции или наглых злоупотреблений администрации. Такой работы нет, хотя некоторые попытки подобного рода предпринимаются Навальным и другими. Их недостаточно, они вызывают характерное сопротивление и недоброжелательство, размывающее возможности общественной солидарности и понимания. Григорий Охотин говорил, что репрессии становятся «нормой». Но это и есть способ реагирования режима на шевеление в обществе, как и общества по отношению к власти. Происходит постоянное взаимодействие между разными институтами власти (которую я считаю системой реверсного тоталитаризма) по поводу разрозненных явлений социального недовольства и локального протеста. Власть учится управлять протестами, не меняя своей природы.

Почему собственно моральный протест не переходит в общественную организацию? На этот вопрос попробовала ответить Татьяна Евгеньевна Ворожейкина в своем выступлении. Она назвала это «проблемой индивидуальной адаптации к институциональному насилию». Мне представляется этот момент не просто важным, а центральным в анализе российской политической культуры. Моральный протест периодически возникает по каким-то поводам, но он никогда не достигал состояния единства мнений — «власть у негодяев». Сам этот факт — не новость (аморализм, коррупция, лживость и жестокость нынешней, как и советской власти — широко распространенные представления, регулярно фиксируемые социологами нашего Центра). Ошеломляющей новостью было бы публичное признание факта, общественное возмущение этим, то есть реакция, которая консолидировала бы общество.

А этого нет, напротив, весь протест подстраивается под власть, адаптируется к ней, защищая отдельного обиженного, но не касаясь самой природы режима, используя при этом аргументы вроде: «NN — не проявлял агрессии против полицейского Z, это был не он», «Голунов не распространял наркотиков, полиция ошиблась». Та же логика проступает в аргументах защитников благотворительных фондов: «ради спасения детей я готов заключить сделку хоть с чертом, хоть с Гитлером». И никто не имеет права упрекнуть такого человека в нравственном компромиссе или оппортунизме. Но отдаленные последствия такого выбора означают полный имморализм общества.

В этой ситуации проблема власти, господства оказывается не просто закрытой, но табуированной. Власть неприкасаема, неизменяема и суверенна. Ее можно просить, обращаться к ней с петициями, указаниями на отдельные злоупотребления и т.п. Поэтому оппозиция охотно включается в иллюзорную игру в выборы, в борьбу за участие в политике и т.п., что не вызывает отклика у населения, справедливо не видящего здесь своего интереса. «Умное голосование» — это «голосование назло» Кремлю, для ослабления ЕР и демонстрации фиги в кармане. Но какое это все имеет значение для основной массы населения? Выиграет один, проиграет другой, что из этого будет? Такая игра имеет значение для очень небольшого слоя ангажированной публики, испытывающей дефицит собственного уважения, нуждающейся в поддержании своей либеральной идентичности, но довольно равнодушной к основной массе консервативного, депрессивного пропутинского болота.

Так будет продолжаться, потому что (как мы это видели до сих пор), оппозиция не могла действовать согласовано и консолидировано. И дело не в том, что нет идей или людей. Дело в том, что стратегия «применительно к подлости», то есть с учетом «реальности», не позволяет выработать программы, которая могла бы и была понятна и привлекательна для населения. Убедительная программа — это такая, которая исходила бы из понятий и повседневных групповых интересов, а не отражала бы лишь интересы некоторых мелких политических кругов, деятельность которых воспринимается примерно половиной населения как чистое политиканство, то есть как борьба за собственные кормушки. Я вовсе не разделяю такую оценку оппозиции, я говорю, как она воспринимается массой периферийного большинства.

Моральный протест в этом смысле является примитивной и инфантильной реакцией на сложившуюся тоталитарную систему. Эта реакция короткого возмущения, не переходящая в настоящие коллективные действия. И сила режима не в нем самом, а в слабости самоорганизации общества, слабости оппозиции, неспособности выдать привлекательную программу действий.

Фактом здесь является не новость «смотрите, они бьют», а то, что это стало общеизвестным, и, следовательно, вызывающем к моральной реакции. Возьмите данные одного из опросов, который мы проводили по заказу Комитета против пыток. 25% населения имело конфликты с полицией, незаконные задержа-

ния, с угрозами, вымогательством и т.д. 10% населения прошло через пытки или угрозы пыток. И вы хотите сказать, что причиной новой волны протеста стала новость о том, что полиция избивала людей, что сам это факт произвел шоковое впечатление на население? Как раз такая логика публичных рассуждений оказывается признаком дистанцированности говорящих от «реальности», отдаленности от повседневной жизни страны, где насилие — это норма. Неожиданной была именно публичность признания факта избиения, то есть нарушение барьеров внутри сознания двоемыслия.

Для того, чтобы протесты трансформировались в социальные изменения, нужна не только консолидация оппозиции, выдвижение привлекательной программы, понятной и убедительной, которая бы опиралась на повседневные интересы огромного числа людей, в принципе озабоченного только одним — физическим выживанием. Нужно еще, чтобы сознание «страна оказалась в тупиковой ситуации» оказывало давление на общественное мнение, то есть чтобы это стало коллективной нормой, фактором принуждения, чтобы она работала как механизм присоединения к большинству.

Если посмотреть на динамику социальных настроений в опросах, то мы видим общую оценку: «жить трудно, но можно терпеть», «политическая ситуация в общем ничего» и люди не ждут ее ухудшения. Ждут ухудшения экономической ситуации, а в политической сфере ничего критического не предполагают. Будет завтра как сегодня или «как всегда». Люди не ощущают здесь какой-то назревшей или назревающей проблемы.

При отсутствии ясной программы, организации, которая бы давала постоянную рационализацию происходящего и предлагала бы формы консолидации, протестное движение будет периодически подниматься и падать, потому что нет механизмов связи интересов большинства и более ангажированной публики. Москва не может служить ни авторитетом, ни источником образцов и мнений, ни локомотивом изменений. Не переходят образцы понимания происходящего из Москвы в провинцию. Есть факторы и барьеры, которые блокируют их распространение. Поэтому это поверхностное рассуждение, что вот улица выйдет, улица покажет и все изменится. Мы имеем дело с достаточно устойчивой системой, и если не понять, на чем она держится, почему большинство, даже критически и негативно относящееся к власти, тем не менее не выступает против, мы не сможем ничего сделать в политическом и социальном смысле.

Александр Морозов: «ПРАВЫ ТЕ, КТО ГОВОРИЛ, ЧТО МУНИЦИПАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КРАЙНЕ ВАЖНО»

Мне кажется, что главное, о чем нужно сказать, что ситуация вокруг выборов в Мосгордуму, от которых никто не ждал ничего особенного (скорее ожидали конфликтов в Петербурге вокруг Беглова), превратилась в политический кризис.

Во-первых, это развитие событий подтверждает мысль, что кризис представительства является наиболее как ни странно «протестогенной» темой, потому что, как и в 2011–2012 годах, он вертится вокруг этой проблемы. И вторая важная для меня тема — ситуация показала, что правы были те, кто говорил, что развитие муниципального движения чрезвычайно перспективно и существенно. Правы были те, кто делал школы муниципального депутата, сейчас их ожидания не обмануты, потому что 100 муниципальных депутатов подписали письмо протеста, и вообще говоря, вся ситуация в значительной степени вызвана действием муниципальных депутатов.

Третий важный момент заключен в том, что устроенная полицией бойня, конечно, произвела впечатление на население. Она несомненно произвела впечатление на весь окружающий мир, потому что таких избиений женщин кулаками и таких переломанных ног, и такого массового странного насилия мир от Путина, может, и не ожидал. Бойня произвела впечатление даже на Чemezова. И это обстоятельство тоже никуда не денется. Это уже как бы записано золотыми буквами в российскую политическую историю.

Важный момент состоит и в том, что по сравнению с прошлыми протестами мы здесь видим затронутость каких-то новых групп и кризис внутри каких-то новых институций. Например, вокруг Центральной избирательной комиссии. По-новому затронута студенчество, естественно, потому что 4 московских вуза оказались под ударом, и развязалась впервые за все время такая острая дискуссия об академических свободах и о политизации внутри вузов. Сюда же относится и важная история, касающаяся московской городской организации коммунистов. Мы, конечно, знали, что она находится в оппозиции Зюганову, но у нее не было возможности это выразить таким образом, как сейчас. Это довольно любопытный факт, потому что позиция Рашкина и других коммунистов, которые там выдвигались, менее лояльна по отношению к Кремлю, чем позиция центрального руководства компартии.

Кроме того, сложившаяся ситуация, конечно, фиксирует кризис кремлевских политтехнологов. Мы всегда были уверены, что с помощью политических ухищрений разного рода они всегда способны микшировать ситуацию. Теперь же мы видим, что не только был кризис на прошлых осенних выборах, зафиксированный всеми, в том числе и самим Кремлем, но он получил продолжение

в этом году. Через эти две точки вырастает линия, теперь будем ждать третьей. Очевидно, что политические операторы не справились, и в результате, все ушло в полицейское насилие.

И, наконец, последний важный момент — это созданная Навальным платформа, которая рассчитана на более чем 50 региональных избирательных кампаний. Это, конечно, невероятно интересный эксперимент и очень любопытно, как это будет работать дальше не только на московских, но и на следующих региональных выборах, потому что здесь возникает возможность иначе информировать граждан и вовлекать их в какую-то осмысленную стратегию. Важно и то, что идея умного голосования вызвала небывалую в отношении региональных выборов, даже московских, дискуссию внутри не только оппозиции, но и в самых разных общественных группах относительно стратегий поведения на таких выборах. И результатом этой дискуссии может стать выработка новых стандартов электорального поведения.

Константин Сонин: «НЕ ВИДНО СВЯЗИ МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИЕЙ И ТЕМ, КАК ГРАЖДАНЕ ВЫХОДЯТ НА ПРОТЕСТЫ»

Я собираюсь говорить о более или менее скучных вещах и с точки зрения экономиста, хотя, конечно, хотелось бы поспорить с теми, кто так легко говорит о невозможности радикальных политических изменений без давления общества. Какое было, интересно, давление общества в 1953 году, а это, может быть, одно из самых больших изменений в российской истории, в реальном устройстве общества? То же самое можно сказать про 1985 год.

Экономисты уделяют большое внимание причинно-следственным связям и все время хотят видеть какие-то фундаментальные причины. Полностью согласен с тем, что, как говорит Григорий Юдин, нынешние кризисы вызваны кризисом представительства. Но экономисту всегда хочется иметь модель или объяснение, которое фундаментальнее, чем представительство. Если кому-то не хватает представительства, то зачем люди, которые не представлены? Что они собираются делать, если будут представлены?

Соответственно, та вещь, которую бы очень хотелось видеть, — это связь между экономическим положением граждан, между доходами, количеством рабочих мест, количеством доступных рабочих мест и возможностью протестов и революций. В принципе, если смотреть на межстрановые данные и на отдельные случаи, то вроде бы в голове есть такая четкая связь: более плохое экономическое положение приводит к протестам и революциям. Но в нашем опыте последних 10 лет как на данные ни гляди, никакой такой связи не видно.

Как ни размещай события, как их не интерпретируй, не видно связи между экономическим положением, измеряемым разными параметрами, и тем, как граждане выходят на протесты.

Не все экономисты так думают, но я считаю, что экономисты не должны смотреть на то, что люди говорят социологам; что бы они ни говорили, это неважно. Экономисты должны сосредотачиваться на том, что люди делают. Когда в 2014 году была очень масштабная кампания пропаганды против США, то социологи фиксировали, как меняется отношение людей. Но если посмотреть на то, что люди покупают, какие фильмы они смотрят, то эти отношения не так менялись. Пропагандисты объясняли, что доллар — это слабая валюта, а рубль — сильная, но граждане полностью игнорировали эту пропаганду. Они отвечали про свое отрицательное отношение к Америке социологам и ориентировались на курс доллара в своем практическом поведении.

Второй пример, демонстрирующий разрыв между тем, что люди делают и что говорят, это параметр, который измеряет «Левада-центр», — готовность к протестам по экономическим причинам. Вещь, которая бросается в глаза, — это волатильность этого параметра. Нет никакого экономического параметра в жизни людей, который бы менялся так быстро. Уже одно это соображение говорит, что то, что измеряется, это не то, что люди чувствуют в реальности. Кажется бы, это может быть реакцией на новости, потому что экономические новости могут поступать сколь угодно часто. Однако экономические новости, даже очень важные, скажем, новости о пенсионной реформе, не имеют непосредственного отношения к благосостоянию людей. Пенсионная реформа физически в этот год затрагивала минимальное количество людей. Тем не менее реакция очень резкая есть, но это дает нам минимальную информацию о том, существует ли какая-то связь между экономическим положением и протестами людей.

Вероятность того, что у нас в ближайшие годы будет серьезное ухудшение в экономике, может, не в масштабах 2008–2009 годов, но в масштабах 2014–2015 годов высокая. Будет спад в США и у нас тоже будет спад, и доходы упадут сильнее, чем они падают сейчас. Тем не менее пока что было бы честно сказать, что мы не знаем, как это скажется на протестах.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ КИРИЛЛА РОГОВА

**ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ.
МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ – 2019.
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД**

Ответственный за выпуск — Михаил Ледовский

Дизайн — Мария Ратинова

Верстка — Ксения Бибо

Подготовлено к использованию 24.10.2019

Фонд «Либеральная Миссия»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58

Фонд «Либеральная Миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.